

Ник
ПЕРУМОВ

ЛЕТОПИСИ РАЗЛОМА

ВОССТАНИЕ БЕЗУМНЫХ БОГОВ

Северная ведьма

Ник Перумов
Восстание безумных
богов. Северная Ведьма
Серия «Миры Упорядоченного»
Серия «Летописи Разлома»
Серия «Восстание
безумных богов», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57712906

Летописи Разлома. Восстание безумных богов. Северная ведьма:

SelfPub;

ISBN 978-5-04-157347-8

Аннотация

Араллор – мир-загадка. Под его поверхностью бушует тёмное пламя, сам он пронизан потоками магии, и каких только существ в нём не встретишь! Люди и орки, сидхи и мантиды, гномы и кобольды...

Но даже такой богатый чудесами мир рано или поздно становится тесен. На Дальнем Севере набирает силу таинственная Ведьма, маги империи Корвус погрязли в интригах, а некие пришельцы из ниоткуда, троица «свободных чародеев», кажется, задумали небывалое... Только похоже, что за всем этим стоят

какие-то иные силы, и происходящее в Араллоре – только отражение истинной борьбы.

В центре событий волею судьбы оказываются орка-рабыня Шаарта, молодой некромант Рико и имперский маг Публий Маррон. Сумеют ли они разобраться и удержать от падения свой мир и тех, кого любят, – да и самих себя?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	37
Глава 3	57
Интерлюдия 1	80
Глава 4	87
Глава 5	114
Глава 6	152
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Ник Перумов
Летописи Разлома
Восстание безумных
богов. Северная ведьма

© Перумов Н., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Она стояла на краю дощатого помоста, пыльного и неровного. Внизу плескалось живое море – fazeebi, человеки. Руки и ноги её были скованы – цепями короткими, но толстыми, не разорвать. А на шее был ошейник. И от него ещё одна цепь – к массивному ржавому кольцу, ввинченному в старые доски.

Она стояла, бесстрастно глядя поверх голов. Fazeebi её не волновали. Их не было, они не существовали. Существовали только кланы её народа, Драконоголовых, и суровые боги – часть в небесной вышине, часть в подземных глубинах. Всё.

С лица смыты все знаки её клана, так и не ставшие постоянной, на всю жизнь, татуировкой. У неё нет больше ни семьи, ни родни, ни вождя, ни шамана. Она никто.

И она же – жизнь своего клана.

...Зима выдалась тяжёлой и страшной. Молитвы и камлания не помогали, снега валили, стада разбегались, охваченные странным безумием. Луны ещё не перевалили и через созвездие Зверя, а в клане начался голод.

Именно тогда с юга, по тракту берегом Танцующей реки, что вдоль Тёмной Пущи, поднялись люди-fazeebi. Купцы. Торговцы с большими караванами на сильных, выносливых быках, покрытых густым длинным мехом, – сильнее и выносливее, чем скот кланов.

Они везли с собой много товаров, потому что знали – боги холода разгневались, а значит, вожди будут стговорчивы.

Красное золото, самородное истинное серебро, выносимые подземными реками; abiu, окатанные водой камни, светящиеся в темноте, – всё это имелось у Драконоголовых, добываемое на дальнем севере, за горами, у провала Пасти Бездны и на чёрных склонах возле Рога Огненного Зверя, но их, увы, нельзя было есть.

В мешках, бутылках и коробах на бычьих спинах – мука, масло, солонина, вяленая рыба, овощи в кислом вине. Но цена всего этого высока, и далеко не всегда у кланов имелось чем расплатиться.

Особенно когда боги зимы гневались на свой народ.

У её клана – бывшего клана – тоже не хватило. Но зато сейчас клан Тёмного Коршуна имеет всё, чтобы дожить до следующей осени.

Цена невелика. Цена – она, Шаарта ар-Шурран ас-Шаккар.

Над ней творили обряд, как над умершей. Мошшог, шаман, дал ей выпить что-то дурно пахнущее, острое; тело перестало повиноваться, дух отделился от плоти, она видела себя со стороны, лежащей в деревянной колоде; видела, как с неё смывают знаки Тёмного Коршуна; как стоят в молчании над ней отец, мать, боно и доно (бабушка и дедушка со стороны матери), сёстры и братья.

Видела, как круг за кругом нарезает вокруг её домовины

шаман Мошшог, как призывает духов облегчить её дорогу к заоблачным пажитям; как родные молча кладут рядом с ней пару изогнутых её сабель, пару кинжалов, лук со стрелами и всё прочее, что должно пригодиться в Стране Вечной Охоты.

А потом шаман вдруг резко что-то выкрикнул, махнул рукой, и она увидела, как четверо сильных мужчин закрывают долблёную домовину специально спиленной до этого крышкой. И её незримый дух, повинувшись слову сильного шамана, нырнул в эту темноту, слился с плотью, замер, перестал быть на время.

...Когда пришла пора вернуться, вокруг уже не было ни гор, ни снегов, ни знакомых лиц её клана. Тёплая равнина, оливковые рощи и сады по обе стороны дороги, белостенные каменные дома под красночерепичными крышами. Она не знала, откуда ей стали ведомы эти слова – ведь раньше она не видела ни таких домов, ни таких крыш.

Мёртвым нет места среди живых. В клане Тёмного Коршуна она умерла. Имя её выбито на столбце железного дерева рядом с могилами старшей родни.

– Нет чести выше, чем отдать жизнь, чтобы жил твой род, – хрипел в ухо шаман, кружа вокруг неё.

У неё нет ни семьи, ни клана, ни народа. Она никто и ничто, пыль на дощатом помосте, ржа на железных кольцах.

Но зато клан получил за неё хорошую цену. Много, много мешков с мукой и солью, и глиняных амфор с оливковым маслом, и кадушек с солониной, и прочего припаса сложено

в пещерах Тёмного Коршуна.

Это правильно и справедливо. Так должно быть.

И потому она стояла, глядя поверх голов. На запястьях и щиколотках – кандалы.

– Я не убегу, – сказала она на всеобщем языке купцу – немолодому, дородному и относившемуся к ней, в общем, совсем неплохо. – Таково слово клана.

– Я знаю, – вздохнул тот, словно и впрямь сочувствуя её доле. – Драконоголовые скорее потеряют жизнь, чем честь. Я знаю, девочка. Просто... тут так требуют.

Она не стала спрашивать почему. Клан продал её, чтобы она повиновалась. Это очень малая цена за его жизнь, за жизнь всех остальных. Это справедливо.

Поэтому она не сопротивлялась, когда с неё сорвали одежду. Не сопротивлялась, когда кузнец, в кожаном фартуке на голое тело, заклёпывал на ней железные браслеты. Не сопротивлялась, когда вели на помост.

И не слышала, что кричат в толпу, нахваливая её, как товар, ушлые приказчики-fazeebi. Смотрела туда, где край неба сходил с мягкими, волной накатывавшимися на городок холмами; туда, где белели паруса на водной глади, словно ранний снег.

Город назывался красиво – Арморика. К восходу от него синел простор неоглядного моря; к закату шумели густые леса, которые – она услышала – прозывались Сильванией, северной и южной.

Империя Корвус, протянувшаяся на юг и запад, так далеко, что идти, наверное, пришлось бы целый год.

Она знала, что караван должен был миновать рубеж Драконоголовых, вольный городок Нимфоньес, где стоит лагерь имперский легион, VIII Победоносный, затем – торговый град Мессиду, пересечь равнину Гнева, затем – укреплённую имперскую границу, где стоят ещё два легиона, III Неустрашимый и XIV Гневный. А дальше – благословенные, тёплые земли Корвуса...

Вокруг помоста всё гуще толпился народ. Иные выкрикивали свою цену, но купец не торопился – знал, что настоящие покупатели будут позже.

– Страхолюдина!

– Чудовище!

– Монстр!

Она слышала, но не слушала. Что ей, бившейся с железным хирдом в Алом Ущелье, подле врат гномьего града ДимКулдира, когда воительницы её клана бросились на бородачей сверху, со скал, сломав стену их щитов, – что ей какие-то выкрики?

...А потом и впрямь подоспели серьёзные покупатели.

Подтягивались мало-помалу, задерживались, шурились, разглядывая её. Слуги освобождали им место; никто не спешил. Юркие человечки сновали туда-сюда, шептались о чём-то с торговцем, снова сбегали вниз; Шаарте они напоминали лесных муравьёв, такие же чёрные, неотличимые.

– Хвалить хвалишь, а в деле-то она какова? – крикнул кто-то.

– Дела! Дела! – тотчас подхватили ещё несколько голосов.

Купец нахмурился было, поджал губы, но затем вполголоса отдал какие-то распоряжения приказчику; тот кивнул и умчался. Она равнодушно смотрела, как к помосту пробиивается, расталкивая толпу кнутовищем, один из распорядителей – немолодой крепкий мужчина с извилистым шрамом через правую щёку. Верно, из бывших легионеров, ветеран, выслуживший пенсию, но не утративший ещё сил; за ним торопился тот самый приказчик.

Откуда она знает это всё?..

Рассечённая Щека молча повёл её вниз, к огороженному жердями пятаку пыльной земли, куда перетекали те самые «настоящие покупатели» – люди совсем иного толка, чем только что осыпавшие её грязной бранью.

Белые тоги. Сверкающие латы. Яркие плащи: ультрамарин, пурпур, золото, терракота. Блеск драгоценностей и волны благовоний – но чуткое обоняние сразу выхватило из сладкой терпкости бесценных смол запах крови.

Она успела впитаться в песок, но след оставила – в воздухе, на ограде вокруг, повсюду.

Здесь бились жестоко и убивали.

– Дело! Дело! – вопили зеваки.

Их, правда, держали на расстоянии рыночная стража и слуги тех, кто и впрямь явился за ней, Шаартой.

Вдоль изгороди появились с полдюжины стрелков. Темнокожие наёмники из племён сельвы Каамен с ярко-красными, словно наизнанку вывернутыми губами и небольшими кривоизогнутыми луками; глаза орки слегка сузились от омерзения.

...Драконоголовые сталкивались с ними – у Баргаша, когда гномы-находники с наёмным отрядом пробились в самое сердце орочьих земель, к богатым жилам Пасти Дракона. И она знала, что короткие стрелы отравлены. Достаточно небольшой царапины...

Но она не даст им такой возможности. Она мертва, она продана, чтобы служить – но и для мёртвых честь превыше всего.

Распорядитель жестом велел убрать цепи, стягивавшие кандалы. Втолкнул её внутрь круга, протянул эфесом вперёд саблю – чужую, с потёртой рукоятью – и только тогда проронил:

– Покажи, на что способна.

Они были смелы, люди империи Корвус. Принимали меры предосторожности – но не боялись.

С противоположной стороны, убрав пару жердей, на засыпанную песком арену втолкнули двух мужчин с массивными ошейниками, куда тяжелее рабских; у каждого – гладиус и короткий кинжал, почти нож, в глазах – отчаянная решимость. Нетрудно догадаться, кто они – приговорённые к казни, кому уже нечего терять. Им обычно обещают жизнь

в обмен на победу...

Сабля вспорхнула с хищным шелестом, привычно крутанулась в руке. Легка. На хиловатых fazeebi. Эфес недоутяжелён, нет баланса. Куда хуже её старых клинков, но воин сражается тем оружием, что посылают ему боги. Биться можно. Биться можно, и победит она, потому что она сильнее.

Кровь вскипела, как всегда перед боем. Не важно, кто против, важно, что они – против. Значит, боги сочли, что им слишком тесно под одним небом. Время словно замедлилось, остриё клинка обманчиво-лениво выписывало полукружья, звуки сливались в единый гул. Биться нагой было неудобно, движения теряли точность и стремительность, и она усилием воли заставила себя сосредоточиться на другом. Тяжесть оружия, песок под ногами, впитавший совсем недавно пролитую кровь, перемешанный с острыми камушками, и две тёмные фигуры, обходившие её с разных сторон. Противники кружили по арене, не вступая в схватку, и из-за ограды слышались нетерпеливые выкрики. Наконец один из приговорённых бросился в атаку – молча, отчаянно. Меч целился ей в горло, а кинжал – в бок.

Очень, очень глупая атака.

Сабля свистнула – гладиус со звоном отлетел в сторону, кинжал упал в пыль из умело вывернутой руки, и на него обильно закапала кровь. Раненый закричал, упал на колени, схватившись за рассечённое запястье – из-под пальцев толчками выбивались карминные струйки. Из толпы слыша-

лись свист, возгласы, одобрительные вперемешку с возмущёнными.

А она уже оборачивалась ко второму противнику – вовремя. Этот оказался хитрее, выждал момент, ударил в спину – бесчестно, зато надёжно. Драконоголовые никогда не поступали так, даже с самыми лютыми врагами, даже с позором их племени – Огненноглазыми, по недосмотру богов живущими по соседству. Драконоголовые не били в спину – но это не значит, что они не были готовы встретить такой удар.

Орка круто развернулась навстречу, изогнувшись – словно падала в объятия врагу. Удар гладиуса пришёлся мимо, замах кинжала запоздал, зато сабля легко вошла в открывшийся живот – снизу вверх под грудинную кость, пробивая сердце.

Он даже не понял, что умер.

– Satis!¹ – повелительно крикнул кто-то из-за частокола, и Шаарта послушно остановилась.

Она сама протянула саблю распорядителю; низко склонив голову, вернулась на помост. Простонародье перед ним уже разогнали, освободив место для уважаемых покупателей, каковых – отметила орка – оказалось не так уж и много.

Но зато каких!.. Ланиста в белой тоге с хлыстом. Пара молодых людей, донельзя изнеженных на вид, прибывших в одном паланкине, обнимавшихся и жеманно при этом хихикавших. Двое бородатых гномов в роскошных золотых поясах,

¹ Довольно! (лат.)

закрывавших весь живот. Полноватая женщина под плотной вуалью, сопровождаемая четвёркой до зубов вооружённых слуг – откуда-то с юга, судя по оливковой коже.

Начинался истинный торг.

Купец выкрикнул цену. Ей, стоявшей на помосте, слова торговца ничего не говорили, и она осталась бесстрастной, глядя поверх голов – на цветастые пологи над прилавками, на множество тачек, тележек, телег и возов. На разложенные там невиданные товары, о каких Драконоголовые никогда и ничего не слышали.

Она стояла, не стесняясь собственной наготы, своей смуглой, словно старая бронза, кожи. В её племени девушки сами выбирали себе суженых – мужчины слишком заняты охотой и войной, чтобы тратить время ещё и на это.

Но здесь не было мужчин. И здесь некого было стесняться.

Она видела, что покупатели начинают горячиться.

– Quingenti!² – выкрикнул грузный ланиста, для верности взмахнув хлыстом.

Она не ведала, откуда всё это знает. Когда и как ей могло открыться, что «ланиста» означает содержателя школы гладиаторов? И что такое вообще «школа», и кто такие «гладиаторы»?

– Sescenti!³ – немедленно подняла цену женщина под вуалью.

² Пятьсот! (лат.)

³ Шестьсот! (лат.)

– Sescenti quinquaginta!⁴ – хором выдали молодые люди, обнявшись.

Бородатые гномы дружно ухмыльнулись, весьма недобро поглядев на парочку.

– Septingenti⁵.

Ланиста крикнул.

– Septingenti viginti⁶ и ни сестерция больше!

Молодые люди разом надули губки.

– Septingentas quadraginta⁷.

Женщина под вуалью подняла палец, требуя времени.

– Octingenti!⁸ – дружно рявкнули гномы.

Ланиста присвистнул.

– Да на кой она вам, эта орка?!

Бородачи ухмыльнулись, торжествующе глядя на остальных.

Юнцы состроили гримаски, разочарованно вздыхая.

Женщина с вуалью наконец опустила руку.

– Nongenti⁹, и большего тебе, Друзус Консентиус, никто не предложит!

Купец по имени Друзус Консентиус выжидательно уста-

⁴ Шестьсот пятьдесят! (лат.)

⁵ Семьсот (лат.).

⁶ Семьсот двадцать (лат.).

⁷ Семьсот сорок (лат.).

⁸ Восемьсот! (лат.)

⁹ Девятьсот (лат.).

вился на остальных участников торго.

Однако ланиста уже уходил, раздосадованно маша хлыстом; молодые люди, обиженно фыркая, помогали один другому забраться обратно в паланкин – рабы готовы были под-
нять его на плечи.

Двое гномов уставились на женщину под вуалью так, словно она только что увела у них из-под носа особо крупный самородок.

– Nongenti decem¹⁰, – проскрипел наконец один из них.

– Mille¹¹, – сказал вдруг ещё один голос откуда-то сбоку.

И гномы, и женщина разом повернулись.

Там стояли четверо. Плечистый мужчина, крепко сбитый, с наголо бритым черепом, на котором, изгибаясь, свились вытатуированные драконы. Женщина, покрытая, словно плащом, густым потоком медово-золотых волос, доходившим до самых пят. Ещё один мужчина – без особых примет, стройный, среднего роста, завернувшийся в богатый белый плащ с золотой оторочкой; и наконец, последний, четвёртый член этой странной компании – средних лет, худощавый, слегка горбоносый, загорелый, в одежде, что напоминала одеяния самих Драконоголовых в летнюю пору: порты до колен да рубаха, перепоясанная по-гномьему, широким поясом со множеством карманов, карманчиков и привешенных сумок-зепей.

¹⁰ Девятьсот десять (лат.).

¹¹ Тысяча (лат.).

«Mille» произнёс именно он.

Бритоголовый ухмыльнулся и хлопнул сказавшего по плечу. Неприметный слегка улыбнулся, как бы в некотором удивлении. Женщина осталась бесстрастной.

Та, кого при жизни звали Шаартой, взгляделась в них.

Сила. Бездна силы. Неизмеримая, неоглядная. Страх и ужас – подобное свойственно богам, но не смертным.

Драконоголовые умеют смотреть сквозь. Умеют видеть. Поэтому их шаманы никогда не ошибаются и знают, кому жить – а кому нет.

– Mille, – повторил горбоносый. – Почтенный Друзус, как я понимаю, больше предложений нет?

Гномы буравили его злобными взглядами; пудовые кулаки стиснуты на рукоятях секир, но здесь рынок, здесь не проливают кровь. Женщина застыла, не поднимая вуали, но звавшаяся Шаартой знала – она вперилась в странную четвёрку и точно так же пытается понять, что они такое.

Неприметный сделал жест, словно говоря – мол, наше дело кончено. Ещё раз хлопнул горбоносого по плечу.

– Скъёльд, Соллей, идём. Наш друг, полагаю, будет в хорошей компании.

– Продано! – отчего-то голос купца Друзуса Консентиуса звучал отнюдь не радостно, хотя торговец выручил за безымянную аж целую mille (ясно, что много). – Продано доминусу... как прикажете звать, *civis*?¹²

¹² Гражданин (лат.).

– Публий Каэсенниус Маррон, – спокойно ответил горбоносый. – Орден Ворона, первая степень, *ego tibi*¹³.

– Благодарствую, доминус. Эй, Хостус! Впиши, значит, что рекомая рабыня продана достопочтенному гражданину Публию Каэссениусу Маррону, и волен он отныне в жизни её и смерти, по собственному усмотрению, в каковое никто вступать не должен, кроме только лишь ущерба *bonum publicum*, сиречь благу общественному!... Куда велите покупку доставить, досточтимый?..

– Никуда. Я заберу её сейчас. И верните ей одежду, равно как и вещи. *Barbari*, как известно, снабжают ей подобных всем необходимым. Не задерживайтесь, любезнейший, Орден Ворона ждать не любит.

В нём тоже была сила, думала она, глядя на короткие, седые на висках волосы. Но не так много, как в той троице, о которой ей даже думать страшно. Хоть она уже и мертва.

...Одежду ей принесли и вещи вернули, все, до последних мелочей. Публий Маррон стоял, отвернувшись, пока она одевалась, и Шаарта удивилась про себя – он волен в жизни её и смерти, она обязана исполнить любое его желание, так чего же отворачиваться? Может, он находит её отвратительной, монстром, как кричали из толпы?

Впрочем, он – хозяин и поступает как хочет. Орка оделась, подпоясалась всеми ремнями, протянула было руку к оружию – сабли и кинжалы, всё, как оставил клан, – и тут

¹³ К вашим услугам (*лат.*).

же отдёрнула.

Она теперь не сама по себе, она теперь вещь, принадлежащая этому странному человеку; надо ожидать его приказа.

Чародей кашлянул, повернулся.

– Как тебя звать? – спросил он на всеобщем.

– У меня нет имени, хозяин.

Лоб его пересекли морщины.

– Как это «нет имени»?.. Ах да, прости. Для своего клана ты умерла, а мёртвым имена не положены. Хорошо, поведай мне, как звали тебя... до всех этих событий?

Она заколебалась. Мёртвые, даже если они ещё ходят по земле, не должны вслух произносить своих имён, если не хотят навлечь гнев зрителя чёрных палат, могучего Гарзонга. Но с другой стороны – это её хозяин и воля его превыше всего на этой земле.

– Шаарта ар-Шурран ас-Шаккар из клана Тёмного Коршуна.

Волшебник кивнул.

– Возьми своё оружие, храбрая Шаарта. Бери-бери, не стесняйся. Я знаю, что ты никогда не обратишь его против меня. Но прежде – я хочу услышать твою клятву.

– Клятву, хозяин?

– Да. Клятву верности. – Голос его сделался суров, но злости или раздражения в нём не слышалось. – Клятву верности, ибо отныне ты служишь мне, но не клану Тёмного Коршуна.

– Но, хозяин... – Она растерялась. – Мне неведомы слова...

– Встань на одно колено, – распорядился чародей.

Орка повиновалась.

– Повторяй за мной. – Хозяин вдруг заговорил на её родном языке. – Повторяй клятву!..

Слова он выговаривал недостаточно чётко, не хватало глубокого рыка, присущего лишь истинному орку, но ей было приятно. Она повторяла, почти не слыша и даже не понимая, зачем всё это. Маг не знает, что, если Драконоголовые служат, они служат до самой смерти и нет такой силы, что заставила бы их изменить данному слову?

Тем не менее она старательно повторяла всё, что он произносил.

Чародей же мало-помалу замедлял речь и, дослушав до конца, замер, пристально вглядываясь в орку.

– Посмотри на меня, – произнёс на всеобщем.

Она подняла глаза. Чародей чуть склонил голову, едва заметно усмехнулся.

– Я напрасно тратил время, да? Ставить под сомнение слово Драконоголовых – глупо, да вдобавок ещё и оскорбительно, так??

– Мой хозяин не может меня оскорбить, – ровно сказала она, и это было истинной правдой. – Оскорбить может низший или равный. Высший лишь изъясляет неудовольствие или гнев.

– Хорошо. Бери оружие, снаряжайся, Шаарта. Очень скоро нам предстоит дальний путь.

– Да, хозяин. – И после паузы: – Хозяин. Обычай разрешает тому, кто служит... Могу ли я вопрошать тебя, хозяин?

– Ох. Ну конечно. – Он покачал головой. – Да, храбрая орка, ты можешь задавать мне вопросы, потому что от моих ответов, я понимаю, может зависеть сама наша жизнь. Вопрошай.

– Отправимся ли мы в страны жаркие или холодные?

– В холодные, Шаарта, на север, тебе знакомый. Сперва по имперскому тракту до Роданоса – самое простое и приятное. Затем переправимся через пролив в Чаган Го – это уже не империя Корвус, это баронство Хафр, как бы независимое. Оттуда по... хочется сказать «дороге», но на самом деле это просто караванная тропа – через Маггор и Дриг Зиггур к Стене. А дальше известные тебе места – владения Огненноглазых, ваших сродственни... так, понятно. Никакие они не сродственники, а гнусные твари без чести и совести, так?

– Да, хозяин. – Шаарта старалась оставаться хладнокровной, как положено той, кто служит.

– Ничего. На тебе нет клановых знаков, ты моя, следовательно, у тебя с ними не может быть кровной распри. Так ведь, Шаарта? Не может?

Не может... Шаарта ар-Шурран ас-Шаккар из клана Тёмного Коршуна имела к Огненноглазым большой и, увы, незакрытый счёт. За сына отцова брата. За дочь материной сест-

ры. И ещё кое за что, о чём fazeebi знать было вовсе не обязательно.

Кулаки её сжались.

Но – нет, хозяин прав. Она умерла, а мёртвые...

Мёртвые, конечно, тоже мстят, недаром самым важным обрядом у Драконоголовых было и остаётся погребение; однако Огненноглазые не смогли её убить, а род свершил все обряды честь по чести.

– Ты не будешь мстить, – негромко, но властно распорядился Публий. – Такова моя воля, орка.

– Да, хозяин, – бесстрастно отозвалась она.

Мёртвые не гnevаются. Точнее, гnevаются лишь неправильные мёртвые.

Он помолчал, покачиваясь на пятках.

– Шаарта, я знал, кого покупаю. Вести о том, что клан Тёмного Коршуна вынужден продать свою лучшую воительницу, добрались до рынков Арморики очень быстро. Поэтому я знаю, кто ты и на что способна. В пути мне потребуются... много чего. Может, даже твоя жизнь – но никак не твои старые счёты. Понимаешь меня?

– Моя жизнь – в руках моего хозяина.

– Обрядовая фраза, – вздохнул чародей. – Ты готова, орка? Идём. Времени на сборы мало, а собрать предстоит многое.

...До жилища мага они добирались шумными и жаркими

улицами Арморики. Она помнила, что должна блюсти достоинство хозяина. Она могла умереть для клана, но и мёртвая обязана хранить честь Тёмного Коршуна. Поэтому она шла, не поворачивая головы, не глаза на невиданные в её краях колодцы, откуда вода лилась, повинувшись нажатиям бронзового рычага; на протянувшиеся арки акведуков, на острокопечные словно копья деревья с тёмно-зелёной хвоей вместо листьев, на манер привычных северных елей; на высоченные дома в два, а то и три этажа, с чисто побелёнными стенами; на шумную толпу, разномастную, разодетую, где мелькали лица всех цветов, от бледно-белого до угольно-чёрного.

Мальчишки вопили ей вслед «чудище!» – и добавляли скабрёзностей. Публий хмурился, но делал вид, что ничего не слышит. Шаарту же подобное тем более не задевало. Fazeebi, человеки, у которых о чести слышали считанные единицы – чего с них взять? Воин не обращает внимания на твякающих шавок.

В доме Публия их встретил охающий и ахающий рой слуг и служанок; у большинства шею охватывали рабские ошейники. На самой Шаарте это украшение ещё не появилось.

Здесь она ничего запоминать не старалась. Ей мало что нужно, только место, где она сможет спать. Колодец во дворе, отхожее место на задах. Еда? Еда будет. Едва ли хозяин купил её для того, чтобы уморить голодом.

Рабы у мага Публия были хорошо вышколены – орка заметила стоящие возле нужника внушительные колодки.

Чародей произнёс краткую, но содержательную речь, оповестив домашних слуг, что сие – его телохранительница, в ссоры с ней не вступать, ибо она всегда при оружии, а головы рубить её учили с детства.

Это произвело впечатление.

Потом была каморка – но с окном, выходящим в сад, подле спальни мага. Каморка, а в ней – деревянное ложе, лавка, стол, сундук.

Жилище, достойное вождя клана.

– Мы здесь не задержимся, Шаарта. – Публий стоял на пороге. – Выступаем послезавтра, а пока – мне надо тебя вооружить как следует. Нет-нет, твои сабли и кинжалы хороши, доброе железо, но мы направляемся к Рогу Огненного Зверя и развалинам Элмириуса, а там требуется кое-что покрепче.

Рог Огненного Зверя. Жуткое место. Место, где пляшут обезумевшие пламенные боги и божки, твари из полыхающей крови земных глубин. Где стоит ледяной замок, от которого растекается окрест злая, мертвящая сила. Драконоголовые давно не ходили туда. И Огненноглазые, даром что бесчестные и презренные, старались не соваться к древним руинам тоже.

Но вслух она сказала только одно:

– Да, хозяин.

Весь следующий день они провели на рынке. Рынок в Арморике был изобилен, необъятен, шумен и многоцветен. Собственно, рынков там было много – Рыбный, Кожевенный, Суконный, Железный...

Был, само собой, и Рабский.

Тут смешивались небывалые запахи, разом звучали все мыслимые и немыслимые наречья; здесь можно было встретить почти квадратного гнома, несмотря ни на какую жару, не расстающегося с широченным поясом; тощего зеленокожего гоблина или тонколицего невозмутимого сидха, смуглого кривоногого кобольда или лохматого мускулистого фирболга. Цокали копытами настоящие центавры, брели, мрачно озираясь, могучие огры – как правило, с ошейниками.

Встретились Шаарте и бычьеголовые минотавры, и шустрые низкорослые половинчики, и даже несколько суетливых крысолюдов.

Не было только её сородичей, орков.

Пограничные легионы недаром ели свой хлеб.

Она шагала следом за Публием Марроном, высокая, выше его на целую голову. Невозмутимая. Руки на эфесах верных сабель.

Просторная рубаха, короткие, до колен, и широкие порты

– чтобы не стеснять движения. Пояс и перекрещивающиеся плечевые ремни, а на них – кинжалы. Мягкие сапоги, наручи с медными заклёпками, сабли в кожаных ножнах – будто она, по-прежнему лучшая воительница клана, вышла в поход за головами гномов, разорителей принадлежавших клану предгорий.

Простая одежда, простое снаряжение – но всё надёжное и испытанное, бывшее частью славы Шаарты ар-Шурран ас-Шаккар.

И чем, интересно, всё это хозяину не понравилось?

Минуя вонь Рыбного рынка, умопомрачительные запахи Хлебного, гвалт Рабского, где ещё вчера она стояла на пыльном помосте, минуя даже лязг и крики Оружейных рядов, Публий Каэссениус Маррон вышел к странно тихим лавкам Волшебного рынка, самого маленького на всём этом огромном торжище. Шаарта не знала, откуда ей это известно так ясно, будто она прожила в Арморике всю жизнь, но этот вопрос её сейчас не занимал.

Перед ними тянулись ряды солидных лавок, витали незнакомые, пряные и не всегда приятные ароматы. Немногочисленные покупатели имели вид чинный и благопристойный: важные маги со слугами и учениками, посыльные, смешно задиравшие носы, подражая степенным чародеям, ибо магия не терпит суеты; красотки с лицами, скрытыми прозрачными покрывалами, легионеры, присматривающие зачарованные мечи и защитные амулеты, разодетые купцы с семе-

нящими следом приказчиками, капитаны больших торговых судов... И ни одного праздного зеваки.

Магия в империи Корвус стоила недёшево, и здешние торговцы умели, что называется, внушить уважение. «Здесь вам не гадалышки ярмарочные, не бродячие фокусники, – как бы говорила вся эта солидная тишина. – Серьёзные дела, серьёзные люди».

Имперских магов им повстречалось немного; их легко можно было отличить по единообразно скроенным плащам, обычно тёмно-синим, сколотым на плече или у горла большими золотыми фибулами. Магические Ордена Корвуса – кто не слышал о них на всём Араллоре, от ледяных пустынь Дальнего Севера до пылающего Юга? Шаарта вот тоже слышала, а теперь и увидела. Тёмные плащи, орденские знаки на фибулах: Весы, Змей, Лира... а у хозяина – Ворон. Чёрный, раскинувший крылья Ворон, и плащ тоже чёрный, отороченный по подолу золотой тесьмой.

Её господину кланялись, Шаарта примечала, кто с уважением, кто небрежно, а кто – поджимая губы; но на неё все без исключения бросали жадные, любопытные взгляды. Она лишь голову выше поднимала, глядя вверх – но и ничего не упуская.

Гномья лавка здесь тоже была. Самая основательная, на лучшем месте – ближе к Оружейным рядам; гномы слывут лучшими мастерами на всём Араллоре и лучшими торговцами – что обычным оружием, что начарованным. Орка лишь

крепче сжала эфесы, увидев вывеску и молодого гнома-приказчика, кланяющегося посетителям у дверей, – но хозяин в эту сторону не повернул, лишь испытующе взглянул на Шаарту:

– Ни один истинный орк не возьмёт в руки гномью сталь, не так ли?..

– Отчего же, хозяин, – ровно ответила она. – Возьмёт. Но только если это будет трофей с поля битвы, покрытый кровью. В таком нет позора, в таком – доблесть. Бородачи умеют драться.

– Интересно, но не очень практично, – усмехнулся Публий. – Отказываться от хорошего оружия в нашем опасном мире... – Он покачал головой. – От твоего оружия, храбрая, будет зависеть моя жизнь, и не только моя. А может статься, что много, много жизней, так много, что ты и вообразить не можешь. Что тогда, Шаарта? Возьмёшь в руки гномью работу?

Он был прав. По-своему, со своей, человеческой точки зрения. Для них главное – предметы, вещи, хитроумные и могущественные. Вещи завоевали для fazeebi три четверти мира, но они не доставят им чести.

Та, что когда-то была Шаартой ар-Шурран ас-Шаккар, хотела промолчать, но хозяин ждал ответа.

– Да, господин.

– Понимаю, тебе это не по нраву, но давай решим сразу. – Усмешка чародея исчезла. – Если будет нужно, сражаться-

ся станем тем, что подвернётся. Я не смогу доставить тебе широкий выбор, орка. Но сейчас – чтобы ты понимала меня лучше – я уважу твои обычаи. Кроме гномов, есть и другие продавцы, и другие мастера.

Соседнюю лавку держал человек. Приказчик бросился на встречу Публию, кланяясь так, что удивительно, как у него спина не переламывалась.

– Высокочтимый Каэссениус Маррон, какая честь, какая честь!.. Сколь счастливы мы лицезреть вас в нашем скромном заведении!..

Шаарта застыла за спиной у Публия. Она – мертва, и она – служит, а мёртвым нет дела до всех этих fazeebi... как нет дела до развешанных по стенам зачарованных мечей, сабель, кинжалов, гизарм, моргенштернов, копий и так далее. Однако глаза сами косились на выставленное богатство. Конечно, её собственные сабли и кинжалы – доброе железо, как выразился хозяин, орочья работа, единственное её достоинство, с которым она не расстанется никогда. Но вот те длинные изогнутые мечи, явно изделие сидхов, что разрубят и паутинку на лету... или вон та пара скимитаров узорной стали, несомненно, с Востока, в эфесах крупные рубины-амулеты... Шаарта бы взвесила их в руках, хоть работа сидхов наверняка стоит как половина города Арморики.

Приказчик тем временем уже раскладывал перед чародеем завёрнутые в ткань клинки, мальчик-помощник тащил кожаные доспехи.

Публий морщился:

– Это убирай сразу, гномье не пойдёт. Этот тоже убирай, слишком лёгкий. Это кто ковал – деревенский кузнец?

Приказчик только успевал разворачивать и заворачивать товар, мальчишка-подручный только успевал подтаскивать новое.

– Почтенный, ты меня внимательно слушал? – Кажется, чародей дал волю раздражению. – Я просил длинный, сбалансированный, умеренно тяжёлый клинок, от доброго мастера, начарованный при ковке, особо устойчивый к магическим перепадам. Лучше пару. А ты что мне несёшь?

Приказчик кланялся как заведённый:

– Прощенья просим, достойнейший доминус, только это всё, что имеется! Гномье железо есть, и доброе, и начарованное, так вы гномье не хотите...

– Значит, ни имперской работы, ни из султанатов? И из Шепсута ничего нет? И от сидхов тоже ничего? – неподдельно удивлялся Публий.

– Ничего, что вам бы годилось, доминус милостивый! Распродавались, как есть всё распродали!..

– Распродали, хм... ну а где хозяин ваш, почтенный Децим Эмилий?

– Прощенья просим, с утра по делам уехали, раньше вечера ждать не велели...

– Идём, Шаарта, – ровно сказал чародей.

Они ушли без покупок. Так вот, значит, чем хозяину не

понравились её сабли...

Драконоголовые не признавали магического оружия. Нет чести в поединке, где у одного в руках простая сталь, а у другого – заклтая. Нет славы тому воину, что побеждает заёмной силой. Если умение твоё велико, храбрость – высока, а клинок – честен, боги будут на твоей стороне, а какое чародейство выстоит против богов?

Они обошли ещё три лавки, но везде повторялось одно и то же: перед ними выкладывали либо гномьи изделия, либо худо начарованные, либо совсем уж плохонькие мечи, какие и мальчикам для учения не дашь. И везде торговцы кланялись как болванчики и клялись, что больше ничего нет, а если и было, «так вчера продали, многодостойный доминус, о, если б вы нам только знать дали! Такой клинок, такой клинок вот только что за бесценюк отдать пришлось!...».

Хозяин сделался совсем мрачен. В последней лавке, у вёрткого торговца-половинчика, для орки нашёлся добрый кожаный доспех, а более – ничего.

– Идём, Шаарта...

Однако не прошли они и десятка шагов, как у них на пути возник пожилой сухощавый чародей в таком же чёрном плаще с золотой каймой, как у Публия Маррона. Но если у хозяина на фибуле летел ворон, то у старика – качались изящные весы. За чародеем топали слуги: три мордovorота, ростом не уступающие Шаарте, а шириной – так вдвое превосходящие.

– Моё почтение, любезнейший Публий Каэссениус!..

Шаарте хватило одного взгляда: сила в этом чародее бурлила ничуть не меньшая, чем в хозяине, а может, и большая. Маг, сильный маг! Сильный и злой, вон как на хозяина щурится...

– Почтение, дорогой Лар Теренций. Не знал, что вы находите плебейские торговые ряды достойными вашего благородного внимания.

Хозяин тоже относился к этому Лару Теренцию без малейшего восторга. Шаарта крепче сжала эфесы. Она была готова.

– Надо же! – всплеснул руками старикан. – Какое совпадение, Публий, мальчик мой!.. Вас я тоже никак не ожидал тут встретить, да ещё в столь неординарной компании!.. Не слишком ли щедро раздаёте пощёчины общественному вкусу, а, сударь?..

Конец изящной плётки в руке «дорогого Лара» указывал на Шаарту. Орка даже не моргнула – она служит, она не уронит чести. Но силы в этом старике плескалось море. Холодной силы, мощной, яростной – могущей сотворить с тобой что угодно.

– Моя новая телохранительница, любезный Лар. Рад, что она вам понравилась, хотя, не буду скромничать, она стоит ваших трёх.

«Ваши трое» как по команде наградили орку не предвещавшими ничего хорошего взглядами.

– По деньгам – ничуть не сомневаюсь, – хохотнул чаро-

дей с весами на фибуле. Теперь они с хозяином шли рядом, словно старые приятели; орке пришлось шагать бок о бок с мордоворотами. Те настороженно косились; Шаарта в ответ слегка пошевелила пальцами на эфесах. Пусть видят. Она не уронит чести неуместным любопытством, но если нужно, окажется быстрее всех троих.

– Однако, Публий, до сих пор вы не замечены в, гм, при-
скорбной тяге к связям с другими расами и в телохранителе
не нуждались. Зачем вам эта орка, если не секрет? Неужто
у Ворона дела настолько плохи, неужто он впал в такую
немилость, что вам за каждым углом чудятся ассасины?.. –
Старик любезно улыбался, но яду в голосе хватило бы, что-
бы отравить всю Арморику.

– Вы же таскаете за собой троих, – огрызнулся Публий
Маррон.

– Помилуйте, друг мой, это всего лишь слуги. Должен же
кто-то носить покупки! Так зачем вам орка?

– Ну, покупки я тоже делаю, любезный коллега. И потом,
такой телохранительницы нет ни у кого – а я, как вы знае-
те, ненавижу быть как все. Надо ж хоть чем-то выделиться в
нашем Капитуле... у членов коего, как вы верно заметили,
слишком велика прискорбная тяга к другим расам. Напри-
мер, к рабыням-сидхам. Особенно не вышедшим из детско-
го возраста.

В старике взметнулся гнев. Почувствовала это лишь она,
Шаарта, а так – голос Лара Теренция по-прежнему источал

любезный и вежливый яд.

– Поистине, сколько злоязычны и беспутны, увы, наши собратья по ремеслу, друг мой Публий; скорблю над пороками людскими вместе с вами!..

Ярость старого чародея, похоже, заметил и хозяин. И – явно решил не обострять. Слова его звучали теперь куда примирительнее, и орка даже ощутила укол разочарования – почему же ты уступаешь, ведь я тут, если надо – три этих боров-*fazeebi* мигом окажутся с выпущенными кишками!..

– Скажите лучше, любезный коллега, вы ведь недавно из Константины? Что слышно нового? Как там цезарь, чем он занят? Всё интриги? Осиное гнездо, конечно, но я по нему, признаться, успел соскучиться...

Чародей Ордена Весов тоже овладел собой, подхватил дружелюбный как будто бы тон, волшебники заговорили о делах и людях, незнакомых Шаарте; она перестала вслушиваться в слова, только в интонации. Рынок вокруг бурлил, солнце поднялось уже высоко – торг скоро пойдёт на убыль, покупатели разбредутся по домам, купцы начнут паковать товар, погонят в стойла нераспроданный скот...

Небо вдруг надавило на голову, загудело словно медный таз, шум вокруг сделался слишком сильным, свет – непереносимо ярким. Хозяин споткнулся на полушаге, его спутник потянулся за каким-то амулетом на поясе, да так и застыл. Один из его телохранителей захрипел, оседая в рыночную пыль, двое других согнулись.

Магия! Внезапная, смертельная, злая, как змея, накинущаяся из травы!

Кто-то поджидал чародеев на этом рынке, кто-то следил за ними, выждал – и нанёс удар.

В глазах у Шаарты потемнело, но сабли привычно выпорхнули из ножен, привычно взлетели, жажда крови и гибели. Только где этот враг?..

Глава 2

Отряд ждал, укрывшись в еловом лесочке чуть в стороне от Башни Полуночи. Рико и Клодий устроили себе привал по всем правилам, даже огонь развели в походной печке, правда, прикрыли трубу решёткой, чтобы дым рассеивался и не выдал их ненароком. Мало ли кто тут бродит! Ороczyи дозоры, отряды немирных гномов-старателей, лихие ватаги разбойников-людей, порой ходившие в набеги на Дальний Север... В котелке уютно булькала каша с солониной, сидеть на лапнике было тепло, даром что кругом ещё лежали снега. Рико привалился спиной к шершавому стволу, закрыл глаза; Черныш сразу же пристроился рядом, положил лобастую голову хозяину на колени. Эх, хорошо, век бы так сидел себе, чтоб никуда бы торопиться не надо было...

Идти в этот поход Рико не очень-то хотел. С одной стороны – не дело господина второго некромастера, человека всё ж таки уважаемого, таскаться по погостам в северных баронствах, на то ученики есть. С другой, коль Госпожа прикажет – и к снежным троллям мухой полетишь, потому как это ж Госпожа! А послали его исключительно из-за новых, недоработанных ещё конструкторов да из-за Черныша – только он с ними в поле справлялся; смешно, если подумать: сложнейшая магия, могучие чародеи, а никуда без одного пастушьего пса! Рико вздохнул и покосился на Клодия. Всё равно

из господина второго некромастера сделаться помощником куда более слабого мага, потому что у него, видите ли, опыт в экспедициях – обидно!

Но не это было страшно.

Рико боялся, что, пока он тут таскает жмуриков, тайна его вскрыется, наружу выплывет. А что, если уже?.. Если его записи, его амулеты, его построения кто-то уже открыл, сыскал, Госпоже донёс? Он, конечно, всё надёжно спрятал, но, как известно, что одним зарыто, то другими же и отрыто быть может. Тогда ему по возвращении не то что не жить – и не жить, и не умереть, мучиться вечно некромагическим конструктом или разумным слизняком каким-нибудь. Госпожа, она на подобные кары мастерица... Конечно, Рико был осторожен и всегда действовал с оглядкой, как велено, но сейчас в Твердыне что угодно случиться могло. Что-то новое задумала Госпожа, какое-то великое, небывалое чародейство, Учителя оно очень интересовало, однако он строго-настрого велел на рожон не лезть, ни в коем случае не пытаться соваться туда, где есть риск провала. «Ты, Рико, – говорил Учитель, – сам не понимаешь, насколько ценен. Единственные наши глаза и уши в логове этой рехнувшейся колдуньи!.. Нет, мальчик мой, являть чудеса храбрости я тебе запрещаю. Что случайно увидишь, что ненароком услышишь, что старшие маги или некромастера выболтают – то запоминай. А сам – ни-ни! Никаких лишних вопросов!..»

Рико очень старался Учителя не подвести. Если кого спра-

шивал – так строго по делу порученному, обязанности выполнял образцово; перед старшими лебезил, но исключительно в меру (Учитель наставлял: «Ничто так не открывает сердца, как самая банальная лесть»), но становилось ему всё тревожнее. Госпожа то занята, то в гневе, Гаттар глядит на некромастеров как на блох кусучих, мастера злобятся друг на друга и на весь свет, маги ругаются, всё им не так, и сбежал бы куда-нибудь, но разве сбежишь из Твердыни? Если уж кто попадает в услужение к Госпоже, так это на всю оставшуюся жизнь. Ну, он-то сам, Рико, как раз рассчитывал, что не на всю, Учитель это ему твёрдо обещал, и пока что слова своего ни разу не нарушил; однако об этом Рико во владениях Госпожи и думать себе запретил – чтоб никто не подслушал ненароком.

Некромастер он толковый, а вот как маг – ничуть не сильнее того же Клодия.

Но это, он надеялся, пока – научится ещё. И Учитель то же самое говорит. Мол, Рико, не важно, кто как первую милю пробежит. Важно, кто последнюю одолеть сумеет, пусть даже и ползком.

В Твердыне же было чему поучиться и что посмотреть. Одна Госпожа чего стоила! Грозная, пугающая – но маг она сильный и решительный, и совсем не гнушалась к ним, некромастерам, самолично явиться и работу принять. А уж какие тут библиотеки!.. Дух захватывало. И откуда только все эти фолианты взялись, со всеми описанными в них чара-

ми? Рико частенько и про еду, и про сон забывал, засиживаясь над пергаментными страницами, списывая да срисовывая некромагические заклятия с диаграммами.

Но вот гости у Госпожи – эти, как их там, Стихии! Пришельцы издалека, как Учитель сказал – из других миров, куда более дальних, чем родной мир Рико, наисильнейшие маги. Как посмотришь на них, так в дрожь кидает. Правда, пока только и знают, что устраивать в Твердыне балаганы с гуляньями да носы свои везде суют – не потому, что вынюхивают, а потому, что вдруг где что интересное завелось. Могут заявиться в лабораторию и весь материал вынести – им, видите ли, пары конструкторов не хватает для очередной загонной охоты. А ты слова против сказать не моги, сиди потом ночами, урок отрабатывай, «кукол» новых собирай...

Эх, и пожаловаться некому, разве Чернышу на ухо! Да и то – не стоит...

Черныш тоже расслабился, привалился к боку – чеши, мол, хозяин, за ухом. Пёс по сторонам посматривал сонно, однако не спал – Башня Полуночи рядом. И конструкторов с ними целый отряд. Рико его понимал, сам к ним не сразу привык, даром что «некромант от природы», как Учитель говаривал...

– Не нравятся мне эти «куклы» новые, – проворчал Клодий, помешивая кашу. Он это всю дорогу твердил, словно Рико был в том виноват. – Гаттар их до ума не довёл, скорей-скорей, бегите за новыми «дровами», а мы ещё хлебнём

с ними лиха, попомни мои слова, парень... Прежние братья надо было, ей же ей, прежние!..

Рико молча кивнул. Новые конструкторы и впрямь до ума не доведены, тут старина Кло прав. Вроде и измыслены хорошо, и работу свою делают как надо, и места много не занимают. Но всё время что-то с ними не так, то спят плохо, то приказ понимают криво, то на чужую магию отвечают, а это в экспедиции дело опасное.

Совсем-то из строя, конечно, не выходят, заклятия на них крепкие, а основа – она у всех одна. Тела мёртвые, лишённые воли и разума. Ежели магию из конструктора изъять, так и останутся от него гниль да ошмётки...

Конструкторы им дали двух видов: одни – тягловые, похожие на телеги, поставленные на мощные конские ноги, другие – копатели, мелкие, пониже человека; торс как у людей, с усиленными мышцами, а низ – паучий, чтоб поустойчивей да пошустрее; всех снежных пауков в окрестностях Рога поймали ради этих конструкторов! Чтобы, значит, в землю лапами упираться, а руками копать. И на кистях рук костяные лопасти нарощены. Телег четыре, копателей шесть.

Сейчас копатели спали в телегах ради экономии – некромагические заклятия истощаются быстро, а здесь, на Севере, и вовсе только благодаря Госпоже и её секретам работают. Но просыпались конструкторы неприятно часто, Рико то и дело поил их молочно-белым маковым зельем, да не простым, с чарами. Ещё посмотрим, как поработают... Вёрткие они,

юркие, а слушаются плохо. Только Черныш с ними и управлялся, пастушья кровь! Он, помнится, в Игнисе, на родине, отцовых овец один в стадо сгонял...

Рико обнял пса, потрепал по голове – Черныш благодарно вздохнул и завалился на бок, вытянув лапы. Пусть подремлет, всю ночь ещё шагать...

– Слышь, парень, поди проверь «кукол»-то. – Клодий чем дальше, тем больше нервничал. – Зелья всем залей, чтобы лежали, не дрыгались! У нас с тобой Башня впереди...

Рико спорить не стал, хотя зелья осталось меньше чем полбутылки. Им сегодня и впрямь предстоял опасный переход, а его, некромастера, дело – конструкторов в порядке содержать и в пути, и в работе. А как в обратный путь пускаться – о том после думать станем.

Копатели мирно спали, замотанные для надёжности в мелкую сетку; телеги лежали, подогнув ноги. Рико до сих пор не мог привыкнуть к безмолвию и неподвижности телег – всё казалось, что они должны переступать и фыркать, как живые кони. Он осмотрел копателей, потыкал в каждого, убедился, что не просыпаются, и зелье решил не тратить.

– Всё в порядке, – доложил он. – Лежат как миленькие.

– Тут, парень, лучше перебдеть, чем недобдеть, – проворчал старший, несколько, однако, успокоенный. – С Башней Полночи не шутят. Я ж за покойниками для вас, некротов, знаешь сколько хожу? Твердыня только строиться начала, а я в Маггоре уже погосты разорял, от поселян отбивался! Бери

ложку, наворачивай, готова каша...

Кашу честно разделили на троих и подремали до сумерек. А потом Клодий растолкал Рико:

– Пошли. Глянем, как там оно.

Отчего-то Башню Полночи проходить полагалось уже после вечерней зори. Клодий растолковывал, что, мол, чары потребные днём не сработают, а без чар соваться в ворота – верная смерть, что при лунах, что при солнышке.

Они выбрались на край леса. Заснеженная пустая полоса на полмили, а дальше вздымается Полночная Стена, сложенная из серых гранитных блоков, ровно подогнанных друг к другу; страшно даже подумать, чего стоила империи и имперским магам эта преграда! Некогда орочьи племена были куда многочисленнее и злее, но древние императоры предпочли раскошелиться на стену, а не на войну. Сейчас орков стало меньше, в набеги они ходили нечасто, предпочитали торговать – только не здесь, а милях в десяти к востоку, в Дриг Зиггуре, приграничном поселении, через которое проходил единственный тракт на Север. Точнее, он там заканчивался – дальше, во владения орков, дорог не было. Туда совались лишь редкие искатели приключений да самые рискованные торговые караваны, которые и по рекам пройдут, и по звериным тропам, – нажива дело такое.

Здесь же над серым хребтом Стены высилась лишь безжизненная Башня Полночи. Некогда именно здесь проходил Северный тракт, стояли войска, отражавшие орочьи на-

беги, шумел походный лагерь: деревянный городок с заплотом, торговые палатки, кухни, лазарет в отдалении...

Сейчас же вокруг лежали нетронутые снега, башенная кровля просела, меж каменных глыб торчали пучки сухой травы да тонкие деревца. И всё же Башня по-прежнему грозно нависала над всяким, дерзнувшим приблизиться; за полукруглой воротной аркой царила густая тьма, створки давным-давно были выбиты. Перед Башней горбился занесённый снегом завал из брёвен, похоже, очень старый, – и больше никаких признаков человеческой деятельности.

Про Башню Полуночи и её ворота сказывали всякое, Рико слышал истории о злобных духах, которые орочи шаманы наслали на державший оборону легион, и о том, как легионный маг запер их в Башне на веки вечные, а сам погиб, не смог вырваться, и самые отчаянные солдаты вместе с ним. Слышал, что запертое в Башне зло выпивает душу, отправляя её на вечные мучения во тьму, откуда спасения нет. Клодий на все расспросы только фыркал: не наше дело, как оно случилось, кто, кого и где запер, ты меня слушайся, парень, и всё будет хорошо.

Утешало, надо сказать, не слишком.

– Нам-то с тобой что? Нам-то главное, чтоб тихо-тихо проскочить, чтоб ни оха, ни вздоха, про волшбу вообще забудь... А так-то пройдем, я тут, парень, раз сто ходил... Главное – чары начальные толком наложить, *они*-то и вылезут...

Клодий бормотал и бормотал, сворачивая их нехитрый лагерь, и было ясно как день, что ему сильно не по себе.

Кто такие «они», Рико спрашивать не стал.

– Так чего тянем-то, Кло, зорька почти догорела уже!..

– Цыц, парень, мне сама Госпожа волшеббу доверила, я лучше знаю...

Клодий всё медлил, всё чего-то ждал и высчитывал, и когда от заката по левую руку осталась только узкая желтоватая полоса, скомандовал:

– Пошли.

И они пошли.

Меньшой луны видно не было, а Старшая почти не светила – тонкий-тонкий, как срезанный ноготь, нарождающийся серп окутался холодной дымкой. Звёзды вот высыпали по-весеннему крупные и яркие, и отряд шёл по снегу, как по призрачному сиянию, не отбрасывая теней: два человека, пёс и четыре телеги со спящими в них копателями. Телеги неестественно аккуратно ступали след в след – уж на что тупые, а это в них Гаттар вложил...

Шагалось легко. Снег за зиму слежался, сделался плотным, как корочка на пироге. Следы оставляли только телеги, и то – будто прошёл тут один какой-нибудь зверь, не то лось, не то олень, прошёл и сгинул... Завал из брёвен, заметённый почти до верха, одолели без труда, и тёмная арка внезапно открылась чёрным зияющим провалом. Оттуда дохнуло мертвящим холодом, тленом, и словно вой чей-то послы-

шался – тонкий, тоскливый, голодный. Черныш остановился и глухо зарычал, вздыбив шерсть на загривке.

– Стой!.. Дальше ни шагу, учуют – мало не покажется. Сейчас слушайся меня, некрос, как бога слушайся...

Клодий запахнул тулупчик, подобрался крадучись чуть ближе ко входу. Воткнул в сугроб три тёмные, плотно заткнутые тряпками скляницы, соединил их линиями, чертя по снегу пальцем, добавил полудуги и хорды – простенькое построение, чтоб фигура или амулет дольше проработали. Высыпал на черту несколько розоватых крупинок из крохотного пузырька – крупинки тут же растеклись нежным сиянием, заполнив линии. Госпожи колдовство, только она умеет на Севере силу обуздывать... Учитель дорого бы дал, чтобы все её секреты вызнать, да и не он один – маги в Корвусе и Шепсуте перегрызлись бы за один кристаллик от Госпожи, за одну такую тёмную скляницу, только хранились эти секреты весьма надёжно. Рико удалось лишь раз битый кристаллик стянуть, бесполезный, неработающий, и Учитель его ух как благодарил...

Клодий выпрямился, осторожно отступил, дрожащей рукой вытер лоб. Хрипло приказал:

– Так, парень. Отводим телеги шагов на десять во-он туда. Как из-под арки того... налетит, гоним в проход, да поживее! Ты у нас некромастер, вот и гони телеги во весь дух. Времени ровно столько, чтоб «Восхваление ларам» прочитать, усёк? Если что упадёт, не останавливаемся. Огня не зажигай. Рот

держи на замке да за псом следи. Лезь в переднюю повозку, я в заднюю запрыгну...

Вскоре Рико сидел в полной готовности, одна рука на загривке Черныша, другая сжимает уздечку, накинутую прямо на передок, покрытый подёргивающейся пятнистой шкурой. Телеги безмозглые, но уздечку понимают.

Черныш будто окаменел, только рычал едва слышно. У самого Рико сердце подскакивало куда-то в горло и там трепыхалось пойманной рыбкой, а в животе будто ледяной ком встал. Давно он так не боялся, наверное, с тех пор, как выкинуло его из родного Игниса неведомо куда, «за небо», где ни тверди, ни солнца, ни людей, одно лишь колдовское марево с плавающими в нём мирами... Ох и натерпелся он тогда! Если б не Черныш, а потом – Учитель, сгинуть бы ему в той великой пустоте...

Клодий повернулся к фигуре, мерцавшей холодным розоватым светом, щёлкнул пальцами, и все три тряпицы, торчащие из склянок, весело запылали. Огонь взметнулся и тут же опал, скляницы засветились багровым, и от них потянуло... потянуло... Черныш аж вякнул, а Рико едва не вывернуло. На скотобойне так пахнет – старой, протухшей кровью, и кровью свежей, и мясом сырым, и фекалиями...

Клодий опрометью бросился к телегам, а темнота под аркой взбурлила, будто кипяток. Взбурлила и выплеснулась под звёздный свет, на снег, на поваленные брёвна безмолвно и стремительно; пространство же в проходе, напротив, очи-

стилось, и показалось Рико, что видит он даже выход на той стороне.

Рико не зря прозывался «господином некромастером», хоть и вторым, жути он в своей жизни повидал предостаточно и даже к ней привык. Но от этой ожившей тьмы повеяло таким ужасом, что он едва не бросился на шею к Чернышу, как когда-то в детстве. Защити, пёс, ты сильный, храбрый, тёплый!..

– Пошёл! – не своим голосом заорал Клодий.

Рико рванул уздечку, телеги двинулись, набирая ход, закрипел снег под копытами. Живая тьма возмущённо бурлила вокруг пылающих багровым склянок, перетекала, вскипала океанской волной и опадала, и всё это в мёртвой тишине. Голодная тварь. Кровь она там ищет, живую, объятую ужасом кровь...

И разделяли её с телегами всего десятка три шагов совершенно пустого пространства.

Рико сглотнул. Так вот что, оказывается, таит в себе Башня Полуночи... Вот что Клодий и другие добытчики каждый раз проделывают, отправляясь в поход за мёртвыми телами! Нет уж, лучше у Гаттара в мастерских корпеть, лучше кланяться заносчивым магам-Стихиям, чем мимо эдакого ужаса пробираться!

Телега уже въезжала в темноту прохода, под замшелый свод, когда Рико заметил, что один из копателей у него за спиной будто шевелится; этого ещё не хватало! Конечно,

уложены они надёжно и сеткой сверху прикрыты, но чересчур уж чувствительны к чужой магии. Зашевелится, заворочается, выдаст ещё! Только не сейчас, Спаситель всеблагий, только не сейчас!..

От ужаса Рико даже воззвал к Тому, к кому взывал очень редко – с тех пор как покинул Игнис.

Тьма сомкнулась над ними. Первое время Рико слышал только, как глухо стучат по камням копыта телег да как колотится собственное сердце.

Здесь царили могильная тьма, безмолвие и холод. Черныш застыл в страшном напряжении и лишь по дрожанию собачьего бока Рико понимал, что пёс всё ещё рычит. Рико вдруг почувствовал, что ему тоже хочется умолкнуть, пригнуться, слиться с телегой, обратиться в незаметную песчинку, в пятнышко на камнях.

Он ощутил взгляд. Нет, не так – Взгляд. Некто, неизмеримо сильнее бурлящей за аркой живой тьмы, смотрел на них.

И не видел. Чувал, но не видел. Словно сказочный великан вслепую шарил вокруг, надеясь нащупать, схватить, сожрать дерзких, посмевших нарушить его покой.

Так вот отчего Клодий не велел шуметь и волшебство творить – вовсе не из-за чернильной твари, которая была, верно, всего лишь стражем, привратником; а из-за этой неведомой сущности, которую Рико теперь ощущал всей кожей, всем своим существом. Она нависала над ними, вглядывалась, скользила рядом, она сама была Башней Полуночи, и

защищало от неё, наверное, тоже какое-то колдовство Госпожи.

Или ничего не защищало – кроме тишины и осторожности.

«Выберемся – непременно разужнаю, что же это за сила, – подумал Рико, вцепившись в уздечку так, что аж пальцы онемели. – Почему это я про неё ничего не слышал раньше?! Спаситель, дай только выбраться!..»

Молодой некромаг чуял свернувшуюся под камнями мощь, неизбывный голод и ненависть – ко всему, что смеет жить, тянуться к свету, любить; чем бы это существо ни было, оно никогда не было живым.

Уж Рико-то как некромастер такие вещи хорошо понимал.

Скорей бы выход... скорей бы, все силы подземные и небесные, выход! «Восхваление ларам» не такая уж длинная молитва, почему же до сих пор впереди не открылось светлое око арки...

Рядом что-то тихо стукнуло – Рико аж подпрыгнул. Стук повторился – словно кто-то живой устраивался в телеге, тихонько возился, задевая борта. Нет... не могло тут никого быть! Черныш, даром что застыл как статуя, на чужака бы зарычал. Нет, либо от тьмы и страха господину некромастеру блазнится невесть что, либо... Рико, замирая от собственной храбрости, потянулся назад, ощупывая груз.

Конструкты были на месте – лежали колоды колодами.

Два. А третий – именно тот, беспокоившийся, – сбежал!

Точнее, пытался. Рико успел ухватить тонкую паучью лапку – но тут конструктор оттолкнулся и с глухим стуком вывалился из телеги. Поддёргивающаяся лапка осталась в руке у некромастера.

Ах ты, мертвецкое отродье!..

Рико едва не взвыл. Всё, их сейчас увидят, учуют... настигнут... Дурацкий конструктор проснулся и пустился исполнять единственное, на что был способен, – копать. Ловить его сейчас означало верную гибель – впрочем, верная гибель и так замаячила со всех сторон. Ну, всё...

Шедшие позади телеги сбились с шага: конструктор вывалился им под копыта. Мерная рысь превратилась в беспорядочный топот, смешивавшийся с резким костяным стуком – конструктор, тварь безмозглая, принялся долбить своими лопатками камень.

И вместе с этим перестуком возник и начал нарастать странный, до обморока пугающий звук: едва слышное не то шипение, не то шорох, будто тьма ожила, обрела плотность и потекла меж каменных берегов. Прямо на Рико.

А впереди наконец тускло засветился полукруг выходной арки.

– Ходу, парень! – взвизгнул позади Клодий. – Ходу, ходу!..

Но Рико и сам всё понял. Сейчас было уже не до тишины и тайны – пальцы щёлкнули, сложились в жест, разворачивающий силу, привычное заклятие ударило в телегу, освобождая

заложенную, законсервированную в ней магию. Плевать, что будет потом, главное – вырваться отсюда, убежать от настигающей тьмы. Следующее лихорадочно сложенное заклятие унеслось назад, к ведомым телегам. И ещё одно. И ещё.

Конструкты наддали так, что ветер засвистел в ушах.

Рико даже успел испытать мгновенную гордость: кто тут господин некромастер, а?

Но в следующий миг случилось невозможное – арка, до которой оставалось, кажется, дотерпеть три удара сердца, начала стремительно отдаляться. Тьма снова поглощала их, но это уже была иная тьма: живая, ждущая, голодная.

Черныш тонко заскулил – его собачьи нервы не выдержали всей этой магии. Рико вцепился в ошейник, прижимая к себе пса. Туннель, казалось, удлинился, как китовья кишка, сузился, хотя в самом конце путеводной звездой продолжала светиться арка.

Телеги на таком ходу долго не продержатся. Магия, заложенная некромастерами Госпожи, попросту иссякнет, и тогда... тогда...

– Клодий! Сделай что-нибудь!..

Никакого ответа.

Вокруг Рико вспухли непроглядно-чёрные, темнее самого тёмного, клубы мрака; из них вылеплялись лики, жуткие, искажённые, изъеденные тленом, с провалами безгубых ртов, с глубокими глазницами, пылающими чёрным огнём. Черныш взвыл – коротко, истошно, как перед смертью.

Спаситель всеблагий, помоги! Не оставь!.. Спаси!..

Однако звать Его было бесполезно.

Рико всхлипнул, пальцы сами нащупали в ошейнике Черныша крохотные, утопленные с изнанки в кожу кристаллы. Девять... дар Учителя, самое ценное, что было у Рико с тех пор, как он бежал с Игниса. Конечно, кроме Черныша.

Господин второй некромастер ещё вчера скорее бы согласился расстаться с жизнью, чем с этими кристалликами, но сейчас, перед лицом безымянной оживающей тьмы, вся его решимость не имела смысла.

Жуткие дымные лики уплотнились, сделавшись изваянными из тьмы, как из камня, и вдруг надвинулись стремительно, неотвратимо. Распахнулись жадные пасти, полные кипящего мрака, дохнуло ледяным смрадом, тлением, могильной затхлостью. Рико судорожно заскреб ногтем ошейник, кристаллики посыпались вниз – один, второй, третий... Юноша знал, что они не долетят даже до дна телеги – растворятся в воздухе, во тьме.

Учитель называл это «умной магией» и считал одной из своих величайших идей.

Пять. Пять кристалликов. Рико со страху выковырял бы их все, бесповоротно потеряв и Черныша, и связь с Учителем, но на пятом кристаллике умная магия таки заработала.

Чёрная сущность, заполнившая собой туннель под Башней Полночи, вдруг остановилась, уродливые лики застыли в недоумении, закружились, задёргались словно от бо-

ли. Туннель вздрогнул и начал сокращаться, арка приближалась, словно летя навстречу телегам.

А в следующее мгновение тьму прорезали яркие сапфировые лучи – тонкие, ослепительные, бьющие сразу из нескольких точек, словно в вековечном мраке Башни Полуночи вспыхнули синие звёзды. И тогда Рико на мгновение увидел: полукруглый потолок из ровно пригнанных каменных блоков, мостовую, выложенную округлыми булыжниками, точь-в-точь как где-нибудь в Константии; увидел на ней какие-то тёмные ошмётки и белые осколки, и горку странно округлых светлых предметов, и не сразу и понял, что это черепа: человеческие, орочьи, гномьи. Увидел несколько непроглядно-чёрных огромных, гротескно-искажённых фигур, притаившихся у стен; синие лучи рассекли их, словно ножи. Сколько веков это место не знало света?.. Неужто это всё из-за него, из-за Рико, и дурного копателя?.. А может, оно магию Учителя почуяло?..

Но тут лучи обернулись ослепительно-белой негаснувшей вспышкой. Черныш заскулил, Рико зажмурился, пытаясь отвернуться, откуда-то из дальней дали донеслись грязные ругательства Клодия – жив, жив!

Ещё мгновение сумасшедшей скачки, теперь сквозь обжигающий свет, сквозь поток силы, – и лица Рико коснулся прохладный ветер, на зажмуренные веки опустилась благодсловенная ночная темнота. Они вырвались.

Рико осторожно разожмурился. Черныш трясся и скулил,

прижавшись к его ногам. А вокруг – вокруг раскинулся лучший пейзаж из всех, какие Рико видел в своей жизни; лучше, пожалуй, были только задворки Константины, на которые Учитель вывел его после изнурительных блужданий по Межреальности.

Ровные, залитые светом Старшей луны снега, пятна перелесков вдалеке, впереди – прорезавшее долину русло какой-то речки, за спиной – вертикальная лента Стены и Башня, громадная, тяжелая; из-под арки бил конус горячего белого света, ложился на окрестные сугробы.

И вдруг он обратился ослепительной вспышкой, а следом за ней ударил грохот. Башня Полночи, минуту назад такая неколебимая, оседала в клубах пыли, словно пожирая саму себя.

Спаситель всеблагий!..

– Что это, парень, что это?.. Ты видел?! – Клодий орал, тыча в сторону руин, над которыми колыхалось облако светлой пыли. Борода у него стояла торчком, в ней застряли соломинки – не иначе на дне телеги успел полежать.

– Видел. – Рико аж передёрнуло. – Вообще-то трудно было не заметить...

Клодий от пережитого ужаса принялся ругаться на чём свет стоит. Башня рухнула – как теперь на север возвращаться, а? Почему у тебя копатель сбежал, я ж тебя посылал проверить! И что это за колдовство такое было там, в туннеле, кто посмел?! Сидела там себе тьма и сидела, никому не ме-

шала, ходили мимо неё спокойненько – а теперь как быть, я тебя, некрос, спрашиваю? Что молчишь?

Рико молчал, потому что сказать на это было нечего. Хорошо, хоть не весь дар Учителя пропал, Чернышу хватит, а как со связью и прочим быть – Рико ещё подумает.

Однако он всё сделал правильно. Если б не спасительные кристаллики, катала б тьма сейчас по туннелю их с Клодием черепа... ну и Черныша заодно. А живым всегда быть лучше, чем мёртвым, – вернее, *почти* всегда. Господин второй некромастер это точно знал.

– Клодий, – сказал он, – давай лучше я телеги проверю, досталось им. Да и не стоит нам тут задерживаться...

– Верно, парень. – Старый маг наклонился, зачерпнул снега, растёр лицо. – Громыкнуло знатно, скоро сюда от поста разведка примчится, а тут мы, тёпленькие. Ну-ка...

Но тут у его телеги подломились ноги, и она тяжело рухнула наземь, едва не придавив Клодия.

Теперь уже и Рико выругался на чём свет стоит.

Глава 3

...Ещё никто и глазом не моргнул, а орочьи сабли уже выпорхнули из ножен. Шаарта знала подобное колдовство; давным-давно, когда она была ещё жива, гномы Дим Кулдира обрушили его на подступающее воинство Драконоголовых. Магия бородачей медлительна и тяжеловесна, она плохо годится для боя, и потому гномы в помощь своим чародеям наняли человека. Но Север плохое место для волшбы, и всё, что маг сумел, – оглушить наступающих орков. Орки куда устойчивее к чародейству, чем люди или, к примеру, сидхи; однако и они могут сопротивляться лишь до некоего предела. Гномы его знали.

...Много тогда полегло славных воинов – они валились как колоды, в отдалении от врат гномьего города; ноги подгибались, кровь застывала в жилах, в ушах стоял немолчный гром; хирду оставалось лишь добить недвижимого врага. Магия оглушала – подло, издали, не разбирая ни доблести, ни силы.

И так бой кончился бы, не начавшись, если бы не воительницы из клана Тёмного Коршуна; они успели уйти в сторону и под заклятие не попали. Ударили с флангов, спрыгнув с отвесных скал, откуда их никто не ждал, прямо на голову хирду и человеческому колдуну. Сильный был колдун, хоть и совсем молодой. Шаарта помнила его искажившееся ужа-

сом и обидой лицо за миг перед тем, как она раскроила ему череп. Магия убивает, но она же делает мага беспомощным – это она тогда хорошо запомнила.

Вот и сейчас – время словно замедлилось. Орка оскалилась, прыгнула вперёд, загораживая собой чародеев, сабли на изготовку; кровь бросилась в глаза, тяжело ударились в висках. Мордовороты-телохранители уже валились в рыночную пыль, хотя один ещё пытался непослушными пальцами вытащить какой-то амулет. Маги держались лучше: Лар Теренций упал на одно колено, но выбросил вперёд ладонь, раскрывая трепещущую голубую полусферу щита, побледневший Публий Каэссениус раскручивал в ладонях призрачный лохматый шар – но орке было ясно, что они не успеют. Чужая магия сомнёт их быстрее.

Волшебству всегда нужно время. Те, кто атаковал, подготовились заранее и потому побеждали.

Люди вокруг – продавцы и покупатели – падали наземь, корчились в пыли, зажимая руками уши, как от невыносимой боли. Сквозь грохот крови в висках до орки смутно доносились вопли, конское ржание, лязг железа.

Враги где-то здесь, они не могут бить издалека; сейчас всё зависит от того, как быстро она их найдёт.

Взгляд мгновенно обежал ряды пустых прилавков, катающиеся по земле тела, рассыпавшиеся товары... Ага! Им больше негде скрыться, как только за остатками каменной стены, которую, очевидно, когда-то разобрали за ненадобно-

стью, да не всю. Укрытие надёжное, да и другого поблизости нет. Шаарта вскочила на ближайший прилавок, в три прыжка достигла развалин.

Они не ждали её: юноша, девушка и старик, смуглые, черноглазые; люди обычно не представляют, насколько она может быть быстрой. Они держались за руки, а между ними бесцветным огнём горела обсидиановая чаша, стоящая на плоской глиняной плитке с выдавленной на ней магической фигурой.

Маги, занятые волшбой, лёгкая добыча. Сабли взлетели раз, и другой, и третий. Только девушка успела тонко крикнуть: «За Гавани!» Она и умерла последней.

Бесцветный огонь в чаше всплеснулся выше головы Шаарты, дохнул ей в лицо жаром. Чаша разлетелась вдребезги, плитка с фигурой с громким треском разломилась на части – и сразу словно дышать стало легче. Рассеялась пелена перед глазами, кровь перестала давить на уши. На орку хлынули стоны и причитания приходящих в себя людей, гомон растерянного рынка. Шаарта постояла над залитыми кровью колдунами – не приберегли ли какого ещё сюрприза? Но нет – мертвы, мертвее не бывает.

Пошла обратно, не убирая в ножны окровавленных сабель. Кто они были, за что погибли? По какой прихоти обрекли себя на вечные муки в подземельях Гарзонга, грозного бога-мертвеца, сжигающего всех, кто жил не по чести и не пал в бою, с клинком в руке?.. Какое ей дело!

Публий Каэссениус так и не потерял равновесия, не упал, хотя из уха тянулась к вороту плаща тонкая алая дорожка, а сам он был бледен как стена. Достойный хозяин. Он помог подняться своему пожилому спутнику, а двое слуг-мордворотов, охая, топтались над неподвижным третьим. Шаарта прошла мимо, не удостоив fazeebi взглядом. Склонилась перед чародеем:

– Хозяин, я не спросила позволения...

– Оставь. – Он поморщился. – Ты действовала как должно, храбрая орка. Благодаря тебе мы все живы.

– Почти, – простонал Лар Теренций, опираясь на протянутую ему руку. Пальцы его старчески дрожали, на лице ярче проступили тёмные пятна. – Эй, Луций! Ну что там?

Один из мордворотов глянул на лежавшего и развёл руками – дескать, всё.

– Пойдёшь со мной, а Феликс пусть останется и позаботится о теле... – Чародей наконец выпрямился, бросил на орку пронзительный взгляд, исполненный – нет, не благодарности, любопытства. – Любезный коллега, я, конечно, знал, что орки обладают повышенной резистентностью к магии, но впервые наблюдал это своими глазами... Впечатляюще. Не желаете уступить её нам? Вы за неё заплатили тысячу; даю тысячу пятьсот.

Хозяин засмеялся:

– Увы, увy, друг мой, торговаться нам следовало вчера, а теперь поздно! Однако, достойная Шаарта, проводи нас, так

сказать, к месту сражения, пока всё не затоптали. Не сомневаюсь, что живых ты не оставила.

Шаарта коротко поклонилась, вытерла клинки об одежду погибшего слуги – хоть и fazeebi, а пусть возьмёт с собой в посмертие толику вражьей крови, пусть знает душа его, что отомщена; одним движением вбросила сабли в ножны и пошла вперёд. Пятачок у полуразрушенной стены не затоптали – толпа окружила тела, но ни один человек не рисковал ступить на камни, усыпанные осколками чаши.

Оба чародея подошли вплотную, Лар Теренций, уже заметно оправившись, пошевелил трупы носком сапога. Дунул на осколки чаши и плитки – взлетел невесть откуда взявшийся жирный пепел, покрывавший узор.

– Так я и думал. Смотрите, какая фигура! Варварийская вязь.

– А сами они не слишком похожи на варваров, – осторожно возразил Публий.

Старик пожал плечами:

– Готов прозакладывать свою свободу, что эти трое – из морских разбойников. У них на меня давний зуб... А варварийские королевства – что Тиллинги, что Нейдринги, что эти, как их, Валленинги – просто кормят это змеиное гнездо у нас под боком. Да и Пайабиды не лучше. Так, орка! Эти трое – они что-нибудь говорили?

– Только «за Гавани»...

– Значит, я прав. По мою душу явились. Не могут забыть,

хе-хе, прошлогодний рейд, когда мы сожгли оба их порта... славное вышло дело, дорогой коллега, жаль вас с нами не было. Хорошо повеселились, эх, вспомнили молодость...

Публий вздохнул:

– Так или иначе, а теперь придётся составлять донесения в Капитул. И всё, что тут осталось, приложить, само собой.

– Эй, Луций, обыщи, – велел старый маг. – Да поосторожнее, хватит с меня на сегодня одного мёртвого слуги.

Ничего, конечно же, не нашлось, кроме свёрнутого мешка, в котором всё потребное для чародейства и притащили на рынок. Тем временем толпа вокруг сделалась плотнее и подступила куда ближе, люди перешёптывались, указывали на чародеев, и не поймёшь – то ли возмущаются, то ли боятся. На орку тоже указывали, и тут уж безо всяких сомнений – со страхом и отвращением. Пару раз она даже уловила что-то вроде «чудище премерзкое» – она только усмехнулась, продемонстрировав толпе клыки. Недалеко же ушли все эти fazeebi от лесных зверей... Нет чести служить им за награду, но пожертвовать собой ради рода, служить ради того, чтобы клан выжил, – совсем другое дело.

Сквозь толпу протолкался десятник из «городской когорты», краснолицый, упитанный, доспех на нём, казалось, вот-вот лопнет, словно панцирь на печёном крабе. За ним спешил и его десяток. Вовремя, ничего не скажешь.

– Разойдись! Разойдись! Почтенные, что произошло?

Лар Теренций глянул на него свысока.

– Эти трое, – хлыст указал на безжизненные тела, – совершили посредством магии нападение на меня и моего спутника и были зарублены его телохранительницей. Свидетелей – пруд пруди, и если б не сия орка, мертвецов было бы куда больше. Дело это возмёт на себя Капитул Орденов, и если у кого из добрых граждан возникнут претензии, пусть обращаются туда. Городской же совет мы просим позаботиться о телах.

– Прощения прошу, достойнейшие чародеи. – Десятник поклонился, смахнул со лба пот. – Назовитесь, прошу вас, для доклада магистрату...¹⁴

– Лар Теренций Фарг, Орден Весов, первая ступень, и Публий Каэссениус Маррон, Орден Ворона, первая ступень.

Десятник кланялся, что-то обещал, однако Лар Теренций уже не слушал.

– Идёмте, коллега, нам с вами требуется подкрепить силы...

С рынка хозяин ушёл, когда уже начало темнеть.

Вначале маги и впрямь подкрепились – таверна была неказиста, но еду, судя по запаху, там подавали отменного качества; старик Лар был там завсегдатаем. Шаарта есть не стала – она служит, и она здесь не для того, чтобы набивать брюхо. Потом Публий Маррон проверял закупленные его приказчиками снаряжение и провизию и лишь потом махнул

¹⁴ Магистрат – начальник городского самоуправления.

рукой:

– Возвращаемся, храбрая. Дела окончены. Ну и денёк, во имя всех богов!..

Рынок стих, почти опустел, но город и не думал засыпать. Стремительно темнело, однако людей на улицах Арморики ничуть не убавлялось.

Таверны, постоянные дворы и весёлые заведения зажигали огни, праздная толпа бродила по площадям, отовсюду неслись музыка, звон посуды, соблазнительные запахи жареного мяса и пряностей, возбуждённые голоса. Богато живёт город Арморика... Невольно Шаарте вспоминалась прошедшая зима, когда дети в племени не могли уснуть от голода, а по утрам в колыбелях матери часто находили застывшие трупы; когда старики сами уходили к капищу умирать; когда даже сильные воины, такие, как она, исхудали и ослабели. Сейчас у племени достаточно еды, её должно хватить до конца весны – но всё же смотреть на изобилие и веселье Арморики было неприятно. Хоть мёртвые и не должны ничего чувствовать...

– Они с умом выбрали место, – вдруг сказал Публий Маррон. – Те маги, на рынке. Наши дома хорошо защищены, в городе я и Лар Теренций почуяли бы чужую волшбу, но на рынке, в рядах, торгующих магическими товарами, где всё перемешалось...

Он покачал головой. Орка не смела перебивать.

– Но не это столь удивительно, храбрая Шаарта. В конце

концов, всякий, если хорошенько подумает, придёт к подобным выводам. Но кто мог знать, что там встретятся два высоких орденских мага? Конечно, скорее всего, целью был только Лар... иначе они учли бы и тебя. Однако вопросы остаются.

Они протолкались сквозь развесёлую толпу, полупьяную, пляшущую, поющую. Десятки факелов и магических шаров освещали мостовую – Арморика, похоже, никогда не спала. Вот и тихий тёмный квартал богатых домов, вот и усадьба Маррона... и чей-то палантин у ворот и чужие рабы, тихо сидящие на земле. Шаарта положила ладони на эфесы сабель, ещё не до конца очищенных от чужой крови. Она сделает это нынче же вечером, вознеся хвалу Гарзонгу, что даровал ей сегодня ещё одну победу.

Рабы сидели смирно, хотя никто не озаботился подать им краюшку хлеба или хотя бы кувшин с водой, как и впустить во двор. Чего сидят, спрашивается?.. Нет, поистине, раб только тогда остаётся рабом, когда сам этого хочет. Отчего они не бегут, не сражаются за свободу?.. Она, бывшая Шаартой – иное дело, она отдаёт долг – а эти?

Домоправитель кинулся к Публию Маррону от ворот, низко кланяясь:

– Хозяин, прибыл чародей по имени Скъёльд, уехать не пожелали, дожидаются вас...

Публий одним движением брови отправил его прочь и сделал знак орке: следуй за мной.

Они прошли в атриум – внутренний дворик с небольшим бассейном-имплювием посередине, с открытыми, огороженными колоннадой галереями вокруг; Шаарте было непонятно, зачем людям столько пространства, столько комнат и стен, для чего занимать под дом место размером с хороший олений выпас – излишества лишь развращают ум и ослабляют тело. Однако fazeebi стремились жить роскошно, и почему-то боги до сих пор не стёрли их за это с лица земли...

Чародей Скъёльд действительно ждал в атриуме, откинувшись на плетёном ложе. За спиной у него горел очаг, на низком столике, над маленькой жаровней, исходила паром чаша с красным вином. Ночной ветерок морщил воду в бассейне.

– А, Публий, я уже было думал – ты остался на ночь в городе!..

Шаарта узнала его тотчас – один из троицы, покупавшей её вчера вместе с хозяином, тот самый, у кого на бритом черепе свивались вытатуированные драконы. Она отвела глаза. Сила. Океан силы. Можно ослепнуть, если смотреть слишком пристально. Что он тут делает?..

– Чуть было не остался, любезный Скъёльд. Не поделишь со мною трапезу?

– Благодарю, дружище, но я не голоден. Я здесь по делу. Но прежде... Как она тебе? – Скъёльд с довольным видом кивнул на орку. – Хороша, а? Наслышан уже, наслышан – показала она себя отлично, и да, чувствительность к магии, как я тебе и говорил, весьма невысока!

– Поистине у вестей нынче быстрые ноги, – усмехнулся хозяин. Рабы уже ставили для него второе ложе, несли чашу с вином и фрукты. Шаарта молча застыла у изголовья: подбородок поднят, руки на эфесах. Пусть у этого надменного Скъёльда и океан силы в запасе, но что сила против чести! Честь всегда говорит последнее слово.

– Просто вести бегут туда, куда нужно. – Скъёльд отхлебнул вина, дождался, когда рабы уйдут. – И я знаю, дружище Публий, что в снаряжении завтрашнего похода у тебя некоторые... затруднения.

– Есть ли в этом городе что-то, что тебе неизвестно? – Чародей тоже отхлебнул из глиняной чаши, поморщился. – Из какого кувшина они брали эту кислятину?! Мои извинения, любезный Скъёльд. Виночерпий, каналья, меня опозорил – батогов получит за такое!.. Да, увы, моя телохранительница осталась при своём вооружении. Того, что мы искали... не нашлось. Хотя я уверен...

– Правильно уверен. – Глаза Скъёльда блеснули в темноте. – Сговорились торговцы, и нетрудно догадаться с кем.

Публий презрительно хмыкнул:

– Почтеннейший доминус Лар Теренций, вне всякого сомнения. И все присные его.

– Именно, дружище! Именно. Тебя и твою орку заметили и приняли к сведению, гонка началась. Теперь кто первый ухватит Север и его владычицу за... э... за косу, тому и злато, и кубок, и лавровый венок в придачу.

– Змеиное кубло! – сощурился хозяин. – Жаль, совсем нет времени разбираться во всём этом!..

– И не надо. Я здесь именно поэтому, Публий. Отпей-ка ещё и пойдём к тебе в officium, где лишних глаз нет. И она пусть тоже идёт.

Скъёльд распоряжался здесь, словно в собственном доме, – и как только хозяин терпит? Неужели боится скрытой в этом shuzuugi ¹⁵силы? Шаарта боялась тоже, однако воля всегда сильнее страха.

Они перешли в кабинет хозяина, примыкавший к атриуму. Публий щёлкнул пальцами, в хрустальных шарах, расставленных на стеллажах и бронзовых подставках, зажглись голубоватые магические светочи. Орка встала у дверей, застыла, оглядывая комнату: всё здесь говорило о характере сдержанном и даже аскетичном, устремлённом на одно. Простые деревянные стеллажи, заваленные свитками, манускриптами в тяжёлых переплётах, вощёнными дощечками; аккуратные ящички – явно с артефактами или же магическими ингредиентами; обитые железом сундуки вдоль стен, о содержимом коих можно было только гадать, а один – так ещё и цепями скован; на стене у входа – прямой старинный меч, пара вычурно отделанных скимитаров и длинный кинжал в потёртых ножках, а посередине комнаты – просторный стол с аккуратным письменным прибором, стопками разно-

¹⁵ Shuzuugi – у орков очень могущественный колдун, шаман, способный жить после смерти.

великих пергаментных листков, вощёных дощечек и связками стилусов.

Чародей Скъёльд выложил на стол продолговатый тёмный свёрток, и сердце у орки заколотилось быстрее; сила дремала в нём, туго спелёнутая, древняя и злая. Знакомая.

Скъёльд развернул тёмную ткань, и глазам предстали два недлинных, чуть изогнутых клинка из очень светлого, почти белого металла – казалось, в них заключён лунный свет. Рукояти обмотаны узкими полосками кожи, никаких украшений. Очень простые клинки. И очень страшные.

Сила бурлила в них – скрытая, неведомая, злая. Чем-то очень похожи они были на чародея Скъёльда и тех, кто стоял рядом с ним на рабском рынке Арморики.

– Знаешь, что это такое? – обратился бритоголовый маг к Шаарте.

– Проклятые клинки, – ровно ответила орка. – Драконоголовые знают. Их нельзя брать в руки.

– Без защиты – нельзя, – согласился Скъёльд. – Но с защитой – вполне. Здесь всё зависит от мастерства мага и от самих клинков, конечно же. Эти ещё не слишком опасные. Зато в бою им не смогут противостоять ни сталь, ни магия. Это мечи богов, орка.

– Вот почему смертным не стоит к ним даже прикасаться. Однако Скъёльд уже словно забыл о её существовании. Она ничто, вещь, рабыня, выкуп за жизнь племени.

Но она помнила, что такое Проклятые клинки.

Далеко-далеко отсюда, на севере, между владениями империи Корвус и землями гномов, презренных бородачей, забывших честь и вежество, лежат Пустые Земли. Равнина Гнева, как говорят в империи. Никто – ни орки, ни гномы, ни люди, ни даже снежные тролли, тупые, как ледяные болванки, – никто не ходит туда. Земля там горяча, как пепел, а вода отравлена. Там не растёт трава, не цветут цветы, птицы, летящие на юг, огибают Пустоземье по-над морем. Там бегут меж безжизненных охряных холмов ярко-бирюзовые и алые ручьи, там высятся игольчатые чёрные скалы, засыпанные ослепительно-белыми и золотыми песками, а среди них разбросаны великанские окаменелые костяки, драгоценности, древнее оружие и артефакты. Много.

Только смельчаки, которые всё-таки рискуют сунуться туда за добычей, долго не живут – если вообще возвращаются из похода. И ничего хорошего они не приносят.

Предания Драконоголовых говорят, что давным-давно, так давно, что не помнят даже камни, на Пустых Землях, которые не были тогда Пустыми, бились боги. Бились насмерть, и мир погиб, рухнул, погребя их под своими обломками. Из останков потом родился новый, в котором уже были и Драконоголовые, и Огненноглазые, и прочие другие. А от прежнего остались лишь Пустые Земли, и всякий, ступивший на них и взявший от них, проклят, как прокляты мёртвые боги, погубившие свой дом.

Потому-то и нельзя брать в руки эти светлые клинки, се-

мижды семь раз омытые кровью и смертью. Но если хозяин прикажет...

– Почтенный Скъёльд, – голос у Публия Маррона несколько охрип, – но... это же бесценное сокровище! За такую пару можно купить всю Арморику, и ещё сдача останется! Если, конечно, ими и впрямь можно пользоваться.

Скъёльд довольно засмеялся, хлопнул хозяина по плечу:

– Можно, можно, не сомневайся, дружище. Я поработал с ними, конечно, – пришлось и почистить, и рукояти обновить, и защитные чары наложить. Но ограничения и предосторожности, разумеется, остались, этими мечами не стоит махать во всякой стычке. Во-первых, легко сгореть, сила сквозь них течёт весьма мощно, во-вторых, в них защиты трансформирующие чары. Я смог их опознать, но не разобрался в столь древних и мощных построениях... В общем, если часто пускать их в ход, в конце концов владелец, э...

– Превращается во что-то неприятное? Нетрудно было догадаться, Древние любили накладывать подобное. Всякие там призраки, развоплощения...

– Совершенно верно, дружище Публий. Их, Древних, похоже, это забавляло. И никто не скажет, во что именно превратится владелец. Поэтому я рекомендую их лишь для исключительных случаев и лишь резистентным к магии существам. То есть для твоего похода они вполне годятся. И сейчас мы... Дружище, ты очень дорожишь своим кабинетом?

– В каком смысле?..

– Раз уж я работал с этими артефактами и собираюсь тебе их – нет, не подарить, так далеко мои дружеские чувства не распространяются, – только лишь одолжить, то хочу провести пробу. – Он ухмыльнулся, и Шаарта подобралась. – Настройка более тонкая тоже не помешает. Однако возможны некоторые, гм, разрушения. Твоя орка, она может поначалу не рассчитать силы.

– Лучше выйти.

– Тогда отошли подальше слуг. Нечего им тут пялиться, а потом ненужные сплетни разносить – сплетни, друг мой Публий, должны быть тщательно продуманы и просчитаны.

Хозяин вернулся через пару минут, сделав знак следовать за ним.

Они вновь остановились в пустом атриуме, на краю неглубокого бассейна. Растения в кадках склонялись над ним, выложенные искусной мозаикой морские гады и корабли, казалось, шевелились от движения воды, луна катилась по лёгкой ряби серебряной монетой.

Скьёльд встал напротив Шаарты и подал ей завёрнутые клинки.

– Бери осторожно. Можешь почувствовать головокружение – это ничего страшного, пройдёт. Если станет душно, страшно или ещё как-нибудь плохо, просто брось мечи. Поняла?

– Поняла, господин. Просто брошу мечи.

Скьёльд глянул на неё с подозрением – не насмехается ли,

но она уже приняла тяжёлый свёрток. Надо же, на вид казались легче... Ткань соскользнула, в глаза ударил молочно-белый свет от двух узких, длинных, чуть изогнутых клинков. Не поймёшь, не то мечи, не то сабли – ну, пусть будут мечи. Под луной они словно разгорелись, налились призрачным сиянием. Рукояти оказались удобные, ухватистые, в ладонях не скользили, только очень уж холодные – пальцы стали быстро леденеть; сами мечи идеально сбалансированы, в меру тяжёлые, в меру вёрткие. Шаарта крутанула «мельницу» на пробу раз, другой – за клинками тянулась в воздухе светящаяся дорожка.

– Голова не кружится? Ноги не дрожат? – Скъёльд следил за ней, как внимательный врачеватель. – Тогда следующая проба. Руби!

Он подкинул в воздух яблоко из корзинки и сразу ещё и ещё. Клинки взлетели сами собой, и на мозаичный пол, и в бассейн-имплювий посыпались тонко нарезанные яблочные дольки. Ох... Шаарта с изумлением воззрилась на свои руки, сжимающие рукояти Проклятых мечей. С изумлением и страхом – мечи подхватывали её движение, они понимали её с полумысли, они придавали взмаху отточенную, невероятную меткость. Сила потекла сквозь неё – холодная, всё растворяющая, уносящая в небытие воспоминания, чувства, мысли; сила, дремавшая в этих мечах долгие тысячелетия. Кто-то другой пробуждался в них, чья-то чужая, неведомая воля жила в лунно-белом металле.

Шаарта стиснула зубы. Нет чести в том, чтобы проиграть, даже если противник стократ сильнее. Можно либо победить, либо погибнуть. Она не поддастся.

– Всё хорошо, орка? – Бритоголовый чародей заглянул ей в лицо. – Тогда продолжим. Задание посложнее – одолей его!

Он прищёлкнул пальцами, и перед оркой возник гном в полном вооружении: латы из крепкой воронёной стали, шлем-бацинет с откинутым забралом, вызывающе торчит рыжая борода; секира с окованным железом древком, булава, длинный кинжал. Гном премерзко ухмыльнулся, с грохотом уронил забрало и атаковал, неистово крутя секиру.

«Иллюзия», – только и успела подумать Шаарта, а руки сами заработали, отбивая выпады и финты; гном оказался мастером боя и выделял секирой такое, что будь в руках у орки её обычные сабли, она б не продержалась и десятка ударов сердца.

Сейчас, однако, всё закончилось в считанные мгновения. Блок, уход, опять блок, потом лунно-сияющее лезвие одного меча перерубает древко секиры, лезвие другого сносит гному голову вместе со шлемом, безошибочно найдя щель между доспехами.

Рук Шаарта почти не чувствовала – совсем заледенели, а ещё она слегка запыхалась, а ещё – словно кто-то шептал ей в ухо: не сопротивляйся,пусти меня, позволь мне стать тобой... Мы столько сможем вместе.

Нет. Она не поддастся.

Гном с отрубленной головой истаял, не успев коснуться каменных плиток. Чародей Скъёльд вытер пот полотняным тонким платком – как видно, иллюзия потребовала от него немалых сил. Вытатуированные на его черепе драконы, казалось, движутся, стараясь поймать друг дружку за хвост.

– Держишься, орка? Или закончим?

– Держусь.

– Тогда ещё одна проба. Последняя. Не забудь, о чём я тебя просил, – бросай мечи, если станет плохо!

Не успела Шаарта ответить, как перед ней возник высокий воин в кожаном доспехе, наручах и поножах с медными заклёпками, с двумя саблями в руках; кожа его была зеленовато-бронзовой, из-под нижней губы выступали белоснежные мощные клыки, волосы – заплетены в сложную косу. Это был бы очень красивый орк, наверное, самый красивый из всех, кого видела Шаарта, – если б не клановые татуировки на щеках и шее.

Огненноглазый. Клан Белого Лиса. Те самые, на ком кровь родичей, на ком позор обмана и бесчестья.

Мечи сами взлетели, атакуя. Но и Огненноглазый не сплывал, ушёл от удара и обманчивым движением чуть не пробил защиту Шаарты; он оказался быстр, очень быстр, так же точно, как и она, и его сабли не желали ломаться от ударов Проклятых мечей. Атаки и блоки чередовались с невероятной скоростью, и Шаарта начала уставать. Ещё немного – и поединок закончится вовсе не в её пользу.

«Брось мечи!» – Скъёльд словно крикнул ей в ухо.

Но пальцы заледенели, задеревенели на эфесах, руки отнялись по самые локти, и Шаарта не могла бы послушаться, даже если бы хотела. Она уже задыхалась, но тело ещё пыталось бороться, из последних сил отбивая удары и почти не пытаясь атаковать.

Хороший поединок кончается быстро.

– Брось мечи! – крикнул Скъёльд вслух.

Орка не могла ни бросить, ни ответить.

«Впусти меня, я помогу. Тебе не будет больно, только тепло... а ведь тебе так давно не было тепло, правда?..»

– Брось мечи!

– Довольно!

Чародеи рывкнули одновременно. Иллюзия мгновенно рассеялась, красавец-Огненноглазый исчез без следа. Шаарта со стоном повалилась на колени, продолжая сжимать эфесы.

– Брось, брось их, орка!

– Я... не могу...

Подскочивший хозяин склонился над ней, принялся разгибать сведённые судорогой пальцы. От его рук шло мягкое тепло, пальцы закололо, словно Шаарта и впрямь их обморозила, как случалось в детстве.

– Сейчас, сейчас, храбрая... так легче?

Проклятые клинки звякнули о каменную мозаику на полу, Скъёльд подобрал их, прикасаясь через тёмную ткань; Ша-

арта только сейчас разглядела на ней бледно светящиеся руны и знаки. И с изумлением обнаружила, какой разгром царит вокруг имплювия: разбитые, разваленные надвое и на трое вазоны с цветами, глубокие щели в полу, точно мозаику рубили секирой, от одного бортика словно отгрызли каменный блок, и теперь он валялся на дне, под водой.

Это что... всё она сотворила?!

– Тебе лучше, орка? Что случилось? Ты настолько глупа, что решила меня послушаться?

Шаарта, пошатываясь, поднялась. Нет чести в том, чтобы валяться без сил перед fazeebi... даже если ты уже мертва.

– Я не могла их бросить, господин. Пальцы свело. Заморозило.

Скьёльд хмыкнул, отодвинул хозяина и сам прошёлся чуткими пальцами целителя от локтей орки к кистям. Болезненные мурашки стали отступать, чувствительность постепенно возвращалась.

– Да, всё верно... У человека или сидха кисти бы уже отвалились, замороженные насквозь, по самые запястья, а у нас – ничего. Так, что ещё ты чувствовала? Почему не позвала на помощь?

Шаарта как могла подробно пересказала свои ощущения, не умолчав и о призрачном голосе. Был он или почудился? Может, это всего лишь её желание избавиться от проклятого оружия? Доселе никто не мог принудить её взять клинок, который она не хотела брать, – но ведь тогда она была ещё жи-

ва, была ещё Шаартой ар-Шурран ас-Шаккар, лучшей воительницей племени, а не безымянной рабыней у fazeebi. Сейчас – всё по-другому.

Чародей хмурился, кивал, драконы на его черепе – красный и два синих – словно бы недовольно шевелились.

– Голос. Хм, голос, предлагавший, «чтобы стало тепло»...

– Мне это не нравится, любезный Скъёльд. – Тон хозяина сделался сух и холоден. – В походе мне сюрпризы не нужны. А вот живая и боеспособная воительница – очень даже.

– Дорогой Публий, дружище, поверь, мне это не нравится ещё больше. Ты и представления не имеешь, с чем тебе придётся столкнуться на Севере, да и я тоже – потому прошу тебя, не отказывайся от мечей. Уж если я вручаю тебе артефакт, я за него ручаюсь.

– Что это за голос?

– Голос меня как раз волнует меньше всего, – отмахнулся Скъёльд. – Иллюзия, имитация, самые примитивные из наложенных на эти мечи чар, дабы побудить носителя пролить как можно больше крови. Вот те заклятия, что должны *управить* эту самую кровь, кою надлежало пролить...

– И что делать, Скъёльд?

– Будем трудиться. Будем трудиться, пока опасность для твоей слуги не станет приемлемой. Вот что, орка, ты можешь отдыхать. Публий, дружище, чары нуждаются в некоторой доводке, и я бы попросил помочь с этим. Конечно, завтра вам в дорогу, день предстоит нелёгкий, но...

– Успех нашего дела важнее, любезный Скъёльд. К тому же этой орке я жизнью обязан... Дорога по землям империи не настолько уж тяжела, я выдержу, в крайности остановимся на ночёвку пораньше. А ты, храбрая, ступай к себе и выспись. Завтра чуть свет выезжаем.

Та, что была раньше Шаартой ар-Шурран ас-Шаккар, поклонилась своему хозяину, прижав руку к груди; daarha, поклон, выражающий уважение младшего к старшему. А мимо чародея с татуировкой драконов прошла, словно не заметив. Сила, бездна силы, но что такое сила без чести?

Пыль на снегу.

Интерлюдия 1

– Высокий Вопильщик, две особи, половозрелые. Поимку осуществить без утраты оными Вопильщиками репродуктивных качеств... Жена! А жена! Это кто ж такое подписал за меня?!

Досточтимый dominus и civis Эварха, владелец... э-э-э, *совладелец* ловецкой конторы «Хаэльдис, Эварха и сыновья», оторвался от свитка, самым натуральным образом хлопая глазами. Прямо перед ним на внушительном письменном столе вертикально торчал рог некоего зверя, на коем покоилось внушительного вида кольцо с крошечным черепом. В пустых глазницах мерцали игольчато-острые зелёные огоньки. Казалось, что черепушка взирает на Эварху с сочувствием.

– А ты угадай с трёх раз, милый! – пропела богоданная супруга, рекомая Хаэльдис. Уже не дева, некогда повстречавшаяся Эвархе в одной донельзя мутной заварухе и в совершенно ином мире, – ныне почтенная matrona, полноправная гражданка империи Корвус и совладелица ловецкой конторы.

Чей статус безоговорочно подтверждался младенцем мужеска пола, сидящим на руках у матери и сосредоточенно мусолящим сладкий сухарик.

– Мне что теперь делать? – возопил Эварха не хуже того

Вопильщика. – Мы с тобой, помнится, одного едва загнали, да и то шкуру попортили изрядно, едва уломали заказчика его забрать. Запомнятовала? А ты мне в одиночку предлагаешь двоих целенькими изловить!

– Милый, – Хаэльдис постучала по свитку аккуратным ноготком, – ты сумму видел? Вот тут, внизу? Где ещё красненьким подчёркнуто. Видишь теперь? Вопросы остались?

Эварха крикнул. Следовало признать, что богоданная супруга умела вести дела куда лучше него. Как-то само получилось, что переговоры с клиентами и торговлю Хаэльдис взяла на себя, оставив мужу планирование собственно рейдов и поимку «разновсяких тварей и существ», так что спустя некоторое время ловецкая контора обрела негромкую, зато обширную славу не только в империи, но и во всех близлежащих землях.

– Ну и кто у нас желает заполучить половозрелых Вопильщиков? – уныло спросил Эварха, разглядывая затейливую печать. – Очередной гарем в Шепсуте? Выдумщики они там...

– Ничего, за такие деньги и на Юг сгоняешь, не сломаешься, – отрезала жена. – Наймёшь себе команду, и никакие Вопильщики от вас не уйдут. Что, в Арморике магов мало или ловких охотников?

Эварха содрогнулся при воспоминании о руинах Кай Алланар, неподалёку от Пепельной пустыни, где обитали вопящие твари; Высокие Вопильщики были противоестествен-

ной смесью человека, суккуба и скорпида, на удивление живучим последствием древних магических практик. Самым сильным компонентом в них был суккуб, за что «выдумщики» из империи Шепсут особенно их ценили.

– Адальберт, хоть ты скажи!.. – воззвал ловец к черепу в перстне, однако череп сделал вид, что он обычная костяшка и слышать ничего не может.

У дверей негромко брякнул колокольчик.

Хаэльдис мигом посадила сына в кроватку за цветастой занавеской и с чарующей улыбкой обернулась к гостю. Малыш, надо признать, уродился смышлёным: не орал, не капризничал, напротив – вдумчиво разглядывал посетителей родительской конторы сквозь щели в занавеске. Эльфийские крови проявились, не иначе.

Вошедший Эвархе был незнаком. Тщедушный человечек в тёмной запylённой одежде, с незапоминающим, каким-то стёртым лицом – по виду или помощник приказчика в лавке, или слуга из тех, кого посылают с поручениями. Верно, принёс записку от кого-то из состоятельных клиентов.

Человечек, войдя, внимательно огляделся, убедился, что в конторе он единственный посетитель, после чего без приглашения сел в деревянное кресло напротив стола Эвархи и уверенно заявил:

– Я хочу сделать заказ.

Ловец и его жена переглянулись. Ежели клиент с первых минут удивляет, с ним и дальше следует держать ухо востро.

– Мы внимательно слушаем. – Хаэльдис была любезна, но не более того.

Человечек откинулся в кресле, откровенно разглядывая ловцов. Чем дальше, тем он меньше походил на приказчика.

– Я слышал о вас только превосходные отзывы, – заметил он. – Вы поистине лучшие в своём деле, досточтимые. Потому моя... мой хозяин одобрил идею обратиться к вам – при условии, конечно же, полной конфиденциальности.

– На иных условиях мы дел и не ведём, – заверила Хаэльдис. Эварха молчал. Заказчик ему не нравился – а ещё не нравилось, что безмятежно-зелёные огоньки в глазницах Адальберта приугасли, сменившись тускло-багровыми. Пожалуй, охота на Вопильщиков была не такой уж плохой идеей...

– Что ж, тогда я сразу перейду к деталям. – Посетитель выложил перед собой соблазнительно брякнувший кошель. – Это задаток. Во-первых, за конфиденциальность – я не уполномочен называть ни своего имени, ни имени моего... моего хозяина. Во-вторых, за сложность.

– Вы желаете приобрести живую мантиду? – Хаэльдис вздёрнула бровки. – Ифрита из Красных песков? Русалку? Золотого скорпиона из святилищ Джеджеджу?..

Последнее существо считалось уж совсем легендарным, однако посетитель сарказма не оценил.

– Нет, досточтимая Хаэльдис. Мне нужна тварь, обитающая не так уж далеко от Корвуса – в джунглях Каамены. Бо-

лотный город Мфубомене и его Чёрная хозяйка – слышали о такой?

Эварха медленно кивнул:

– Кто же не слышал, уважаемый. Но это, простите, не ифрит и даже не мантида. Это...

– Это настоящая богиня, верно. Древняя, очень древняя тварь. И сильная. Священному болотному городу, если не врут летописи, более пяти тысячелетий... а сколько доподлинно – никто не знает.

Эварха и Хаэльдис вновь переглянулись. Очень уж всё это напоминало им события не слишком давние, но слишком памятные и неприятные.

– То бишь вы нанимаете нас, чтобы поймать целую богиню? – уточнил Эварха, хотя и так всё было понятно.

– Именно, именно, достопочтенный ловец! Хозяин мой платит исключительно хорошо. Здесь, – посетитель пошевелил кошель, – полтысячи золотых имперских ауреусов. Они в любом случае ваши, если вы только соглашаетесь на сделку. После подготовки рейда вы получите второй задаток – ещё полтысячи. И наконец, когда вы предоставите нам тварь – ещё. Окончательный расчёт. И... некоторый торг также возможен. А уж в подготовке мы окажем вам всяческое содействие и абсолютно без-возмездно! Любые амулеты, тайные пути – от Арморики до болот Каамены двести лиг по прямой, немалое, знаете ли, расстояние, а время дорого...

Эварха уже когда-то ловил Древнего бога – точнее, тоже

богиню. Едва жив остался, но не это было самым важным – поимка богини вовлекла его в историю столь ужасающую, что повторять её он совершенно не хотел. Хаэльдис, судя по всему, возражать не станет, если он сейчас откажется¹⁶.

– Нет, мы... – начал было ловец, и тут судорога перехватила ему горло.

Голос зазвучал у него в голове – очень знакомый, старческий, с повелительной интонацией; послушаться его было невозможно. «Вы согласитесь на эту сделку, – размеренно проговорил у него в голове Архимаг Игнациус, самый страшный человек из всех, кого ловцу только довелось повстречать. – Вы изловите эту богиню и разведаете о заказчиках всё, что сможете. Передашь мне это через Адальберта. А там подумаю, что с вами делать...»

Эварха в ужасе поднял взгляд – в глазницах крошечного черепа, обращённого к нему, сияли ослепительные звёзды. Заказчик этого видеть не мог и только удивлённо ждал ответа от внезапно умолкнувшего ловца.

Хаэльдис тоже увидела горящие глазницы Адальберта, потому вцепилась мужа в рукав.

– Мы... – Эварха прокашлялся, осторожно взял жену за руку. – Мы согласны, уважаемый... не ведаю твоего имени. Будет тебе богиня, в самонаилучшем виде. Завтра же начнём приготовления, так что оставь адрес свой, где тебя найти можно.

¹⁶ События, описанные в романе «Война Ангелов».

– А как же Вопильщики?.. – пискнула Хаэльдис.

– В бездну всех Вопильщиков, жена. Этот заказчик платит больше.

Невзрачный заказчик благосклонно кивнул. А ловец подумал: «Сдаётся мне, не задержимся мы в Араллоре. Жаль, славный мир, и контора у нас только-только раскрутилась... Ну да жизнь дороже. Выполним этот клятый заказ и сбежим. А золото, оно в любом мире золото – пригодится».

Глава 4

...Алое, чёрное и белое. Три цвета царствовали здесь, три цвета, которые она любила более всего: алый огонь, вырывающийся из жерла Рога, упирающийся в небеса раскалённо-дымным столпом; ослепительно-белый снег и угольно-чёрные камни, торчащие из-под него. И такие же белые, как зимний саван, стены Замка.

Девушка отвернулась от высокого окна. Поймала краем глаза отражение в стекле: узкое бледное лицо, белые, будто седые, волосы, тяжёлым потоком стекающие на плечи, чёрные, едва зрачки видно, глаза, и соблазнительно-алые губы. Усмехнулась: именно такая, какой всегда хотела быть. Именно такая, какой она себе нравилась.

Каких только имён ей не давали! Северная Ведьма, Огненная Госпожа, Снежная Чародейка, Владычица Смерти... Всё оттого, что ни люди, ни маги не понимали её, а чего они не понимают, того боятся. И это было... приятно. Пусть боятся, пусть прячутся издали. Пусть уважают. Пусть рассказывают о ней страшные сказки. Пусть её именем пугают детей в колыбелях.

– Подавай, Ниса! – велела она.

Конструкт подбежал к ней, шелестя по полу проворными лапками; к телу огромного паука крепился торс миловидной девушки-подростка, смуглой, по-восточному раско-

сой. Очень удачная идея у Гаттара – соединить достоинства человеческого и паучьего тел, однако много этих конструкторов сделать не получилось: если тела людей, а также сидхов, половинчиков и прочих подобных рас раздобыть несложно, то снежных пауков ещё поди поймай, да и маловато их. В окрестностях Рога их уже совсем не сыскать. Пора самим разводить, не иначе... Хозяйка замка сделала себе ментальную заметку. Этого было достаточно – она никогда и ничего не забывала.

Ниса подала Госпоже шипастую, льдисто-прозрачную броню, помогла облачиться. Умная получилась девочка, жаль безмолвная, как все некроконструкты, а сейчас самое то было бы мило поболтать, снять немного напряжение перед работой. Госпожа мило не болтала уже невесть сколько лет – подружек у неё не водилось, обслуга Замка и некромастера – не её поля ягоды, а Гости... Гости, они же Стихии, – особый случай.

В броню она облачалась исключительно ради них. То, что недостаточно броско выглядит, для них попросту не существует. Дети, чисто дети – только наделённые такой силищей, что у Госпожи при одном взгляде на них в глазах мутилось от зависти. Боги иной раз несправедливы, раздавая свои дары, однако на то у смертных и воля, чтобы немного эту несправедливость исправить...

– Идём. – Госпожа в сопровождении конструкта двинулась вниз по крутой винтовой лестнице, выложенной плит-

ками чёрного с белыми прожилками камня.

Она отвела для себя восточное крыло, а остальную часть Замка отдала Гостям. Мастерские, лаборатории и жилища некромастеров, благодарение вышним силам, сразу строились в некотором отдалении. Во-первых, там меньше любопытных взглядов, во-вторых, что творили в Замке Гости, эти наделённые огромной силой существа... да им ничего не стоило разгромить лаборатории из чистого озорства. Они, видите ли, играть любят.

Игры, правда, были весьма своеобразны.

Она застала почти всех – семерых из девяти – в холле. Громадный замковый холл заполняли непролазные джунгли. Госпожа только покачала головой: иллюзия была великолепная, проработанная до мельчайших деталей; подобные чары требовали великого мастерства и великой же силы – только если б это великое ещё работало хоть для какой-нибудь пользы! Нет, они снова развлекались.

Ввысь, к изогнутым аркам потолков, возносились кроны пальм и фикусов; лианы и воздушные корни, переплетаясь, образовывали меж стволами настоящую сеть – впрочем, хватало и паутин, где застыли пёстрые пауки размером с ладонь; по земле, усыпанной палыми листьями, ползали змеи, хищные многоножки, перетекали тёмными лентами бродячие муравьи; в тени плотных листьев горели янтарным огнём чьи-то глаза. Воздух стал плотным и душным. Двое шли сквозь джунгли: юная сидха, тонкая, как деревце, в облега-

ющем зелёном платье, безо всякого оружия, и юная гнома, одетая по-мужски, по обычаям своего народа; в опущенной руке она держала короткий нож. Они пробирались навстречу друг другу с разных концов холла, к круглому озерцу с синей водой, усыпанной овальными листьями кувшинок.

Гости столпились на галерее, опоясывающей холл поверху.

– Ваша идёт быстрее! Ты же ей помогаешь, скажи!..

– А у вашей нож! Это нечестно!

– Сёстры, сёстры, не ссорьтесь, скоро препятствия, всё пропустите!

Госпожа подавила возникшее было желание одним махом уничтожить иллюзию, даже руку подняла – и тут же опустила. Нет, не справиться, слишком много заклятий, слишком массивные построения... Сила здесь, на Севере, мало пригодна для заклятий без особых приёмов и амулетов – однако Стихиям это словно бы и не мешало. И это тоже злило.

Вторым желанием было как следует высечь Гостей да приставить к делу, оченьгодились бы в мастерских. Впрочем, это желание у неё возникало всякий раз, когда она их видела.

– Любезные мои Стихии! – Она стояла на верхней площадке широкой лестницы, спускающейся в холл, под световым колодцем. Дневной свет, знала она, падал на хрустальные доспехи, рассыпаясь в них сотнями радужных бликов. Сейчас лестница упиралась в то самое синее озерцо.

Гости, конечно же, заметили, приветственно зашумели, но в этот момент гнома вскрикнула, взмахнула руками и рухнула наземь. Все кинулись смотреть. Толстенная пятнистая змея обвивалась вокруг её туловища, сжимая кольцо за кольцом – девушка билась в смертельных объятиях, беспорядочно колотила ножом, но короткий клинок не мог пробить прочную шкуру. Очень скоро конвульсии утихли, змея медленно поползала на уже неподвижную жертву.

Сидха стояла, дрожа, меж двух стволов, напротив тела своей товарки.

– Ну вот, проспорила, – надула губы одна из Гостей, дева с радужными волосами. Она и звалась Хозяйкой Радуг. – Рассвет, твоя взяла!

Невысокий, очень плотного сложения муж с шевелюрой цвета утренней зари только поднял ладони, как бы говоря: я не виноват, так судьба распорядилась! Потом хлопнул, и сложнейшая иллюзия исчезла, как не было.

Нет, всего лишь хлопнул – и разом снял заклятия!.. Госпожа ощутила приступ чёрной как ночь зависти.

Посреди пустого холла стояла по-прежнему дрожащая сидха, а на каменном полу скорчились три неподвижных тела. Так, значит, у них были ещё человеческая девочка и орка...

– Отдадите их мне? – Госпожа указала на мёртвых.

– А?.. Да-да, разумеется, любезная хозяйка! Забирай, нам трупы ни к чему... да мы и эту тебе отдадим, когда надоест!

Госпожа подняла бровь, глянув на сидху:

– Разве она не заслужила свободу?..

Гости расхохотались, как будто она сказала что-то донельзя смешное.

– Свободу?! О!.. – Рыжебородый мастер Камней аж по груди постучал, вызвав гулкий отзвук. – Нет, милейшая, нет, мы играли не на её свободу. Она – приз победителю.

– Ясно. – У Госпожи против воли закаменело лицо. Проклятие, они нужны ей, пока ещё нужны! – Я заглянула просто напомнить вам, любезные Стихии, что пора браться за дело. У меня всё готово, можно выступать. Сегодня, как вам, конечно же, известно, наступает завершение последнего цикла. Дальше только...

– Ах да, да! Мы тоже готовы! Конечно помним, как можно!.. Кстати, чудесные доспехи, надо раздобыть такие же!

– Но вас только семеро, как же остальные?

Выигравший сидху Король Рассветов махнул рукой:

– О, они добывают новые игрушки... не печалься, чтимая Госпожа, мы справились бы, даже если б нас осталось здесь всего двое. Пока и волшбы-то серьёзной не было!

– Да-да, разве это магия!

– Ты права, сестра, делать совершенно нечего...

От гула разных и в то же время очень похожих голосов кружилась голова. Госпожа широко улыбнулась и хлопнула в ладоши. Тотчас из боковых дверей в холл хлынули конструкты с портшезами и пледами – Гости любили путешествовать

с удобствами, несмотря на всё своё могущество. Ларцы с необходимыми принадлежностями для волшбы тащили вышколенные снежные тролли. Они же приволокли с утра во двор узкую клетку, в которой от стенки до стенки перекатывался комок тьмы – самый главный ингредиент сегодняшнего обряда.

– Пригляди за ней, – Госпожа указала Нисе на сидху, кажется, впавшую в полный ступор.

И пошла вниз по лестнице, придерживая подол; доспехи поверх платья – не слишком удобно, зато изысканно и эффектно. То что надо, чтобы произвести впечатление на Гостей.

Тёмный Дракон, она знала, тоже оценит.

До Рога Огненного Зверя путь был недалёк, и там уже всё подготовили: некромастера, конструкторы, тролли развернули временный лагерь, очистили от пыли выплавленные прямо в скале, в каменной почве сложнейшие магические фигуры, развели, где надобно, огонь, а где надобно, притушили. Огонь в окрестностях Рога был везде – выбивался из-под камней синеватыми языками, вырывался ревущими клубами из узких нор, плясал над ровной щебнистой почвой мгновенно тающими сполохами. Оттого и снег здесь не залёживался – только чёрный камень и чёрные же складчатые склоны Рога.

Горела разлитая вокруг сила. Сырая, жгучая, всё вос-

пламеняющая магия. Столько силы, сколько здесь, на всём Араллоре, не найдешь – разве что на Крайнем Юге, за Пепельной пустыней, там, где вечно пылает Сердце Пламени, но туда мало кому из живых удавалось добраться. Столько силы – моря, бездонные океаны, – а пользоваться нельзя!

Когда б не Стихии – и она бы не смогла...

Госпожа с удовлетворением окинула взглядом подготовленные фигуры и суесящихся конструкторов. Да-а, многое сделано, очень многое, и всё это задумала и сделала она, Северная Ведьма. Конечно, без Гостей ничего бы не вышло, честно признавалась она себе. Как и у них – без неё. Но сейчас главный вопрос стоит по-другому: кто из них раньше перестанет нуждаться в уважаемом партнёре?..

Ещё совсем недавно здесь лежала безжизненная каменная пустыня, горящая, с пляшущими над камнями, кривляющимися духами и божками, сползшими отовсюду на дармовую силу. Тут они, обезумев, и застревали на веки вечные, не в состоянии оторваться от сладкого источника. Госпожа с помощью конструкторов и Гостей пустыню прибрала, духов переловила, силу, насколько могла, обуздала. Но всю её взять в руки, направить по нужным путям пока нельзя – однако и с этим она справится скоро, очень скоро.

Госпожа пошла к фигурам – пламя разбегалось от её сапожек, гасло, раскалённый ветер от Рога раздувал платье и белые волосы, броня сверкала под низким северным солнцем. Все, кроме конструкторов, бросили работу и почтительно

склонились перед ней. Гостей же так и несли в портшезах – не любили они ножки пачкать чёрной пылью, хотя, казалось бы, что им, магам из магов, эта пыль? Как они сейчас, должно быть, надувают губы и обсуждают своей непостижимой мыслеречью её, смертную выскочку, возомнившую о себе боги ведают что! Ничего-ничего, я вам пока нужна, усмехнулась Ведьма. И вы мне – тоже. А потом мы ещё посмотрим, кто тут о себе возомнил...

Бесчувственные конструкторы тащили за ней портшезы и зачарованную клетку с катающимся, словно от нестерпимой боли, комком тьмы. Впрочем, сейчас он уже не катался, застыл, словно прислушиваясь, не веря в происходящее. Портшезы разнесли по углам и лучам фигур, а клетку водрузили в самый центр. Рядом поставили другую, обычную деревянную клеть с тремя скованными по рукам и ногам пленниками-людьми. Хорошие были пленники, не измождённые, полные сил, страха и злобы – Госпожа специально приберегла их для сегодняшнего обряда.

– Прошу, любезные Стихии.

Стихии, посерьёзневшие, прекратившие вечную болтовню, разошлись по местам.

– Любезная владычица! – это заговорил Мастер Камней, державшийся в этой компании за старшего. – Всё готово к последнему обряду, и времени, и амулетов у нас даже с избытком. И... нам любопытно взглянуть на Зверя своими глазами. Что ты скажешь, если кто-нибудь из нас отправится с

тобой?

Так. Вот об этом мы не договаривались.

Она изогнула бровь:

– Силы, чтобы пройти *туда*, возможно, нам и хватит. Возможно. Но чтобы выйти... досточтимый Мастер, если вы так уж желаете посидеть в темнице со Зверем, то прошу. Я честна с вами, любезный.

– Тогда я попытаюсь. – Хозяйка Радуг возникла рядом с Госпожой, лучезарно улыбнулась. – Наш дорогой братец слишком массивен для такой узкой дыры, а вот я пройду! В крайнем случае останусь развлекать Зверя – это ведь ненадолго, верно, любезная Госпожа?

«Демона лысого ты туда пройдёшь», – подумала Ведьма. Но так же лучезарно улыбнулась в ответ.

– Что ж, начнём в таком случае. Хозяйка Радуг, мне весьма приятна твоя компания!

Огромная фигура под ногами засветилась призрачным светом, почти незаметным в солнечных лучах. Гости наполнили её силой непринуждённо, словно играючи, – как же несправедливо, что дикая северная магия так легко им повинуется! Госпожа шагнула к клетке с пленниками, сжимая в руке жертвенный обсидиановый нож. Так, придётся импровизировать на ходу. Это плохо, слишком важное она задумала сделать там, в подземной темнице, – и хорошо бы, чтобы Гости этого до поры не узнали!

Их внезапного интереса она, конечно, не предусмотрела.

Но до сих пор они не пытались вмешиваться, до сих пор не ставили под сомнение, что сущностям, подобным им, вход вглубь заказан... до срока. А срок близок, потому что обряд, «усмирение Зверя», как они говорили, почти полностью подготовлен. И это правда, что, решившись проникнуть в узилище Тёмного Дракона сейчас, Гости не особенно рискуют – путь наверх так или иначе скоро будет открыт.

А вот Госпожа – рискует, ибо так ставится под угрозу её собственный план.

Конструкт, остававшийся возле клетки – здоровенный, похожий на жуткое насекомое с длинными когтистыми лапами, специально созданный для охраны, – распахнул дверцу и легко выволок первого пленника. Высокий, сильный мужчина, наверное, воин; в нём больше злобы, чем страха, – очень хорошо, для первой крови почти идеально. Молчит, смотрит с ненавистью и даже не пытается вырваться – понимает, что бесполезно. Госпожа несильно взмахнула ножом, и горло пленника словно само собой вскрылось, кровь хлынула на чёрные камни алым потоком, неестественно обильным. Пленник забился в конвульсиях, другие закричали, но Госпожа не обратила на это внимания – её заботило, чтобы кровь проливалась точно в центр фигуры, в которой стояла зачарованная клетка с тенью. Алая кровь не успевала коснуться камня – вспыхивала, вскипала белым раскалённым пламенем, разбегалась, образуя круг, внутри которого стала сгущаться тьма; только клетка будто светилась.

Хозяйка Радуг, стоявшая за спиной, помогала направлять силу. В другое время спасибо бы ей, а сейчас – куда ж её деть, как не позволить проскользнуть за собой? Впрочем, у Ведьмы имелась одна идея...

Второй пленник очутился на воле – точнее, пленница, молодая, крепкого сложения женщина в добротном льняном платье. Она была перепугана, но в то же время не обезумела, не рвалась понапрасну из лап конструкта. Очень хорошо...

– Как тебя зовут, милая? – обратилась к ней Госпожа.

В глазах пленницы мелькнула надежда. Если тебя о чём-то спрашивают, может, ещё не убьют, ещё зачем-то понадобится!..

– Аэли...

– Красивое имя. – Ведьма взмахнула ножом.

И снова – густой поток крови, и тающая в чужих глазах боль пополам с обидой. Замечательно! Нет ничего хуже, чем резать отупевших или обезумевших от ужаса пленников, выход силы куда меньше... Белопламенное кольцо выросло вдвое, а тьма внутри него сделалась почти осязаемой, плотной, с багровыми сполохами. Врата приоткрылись. Клетка с чёрным комком медленно вращалась, прутья бледно светились, а сам комок вырос и обрёл чёткие очертания.

Очертания скрючившегося, сжавшегося словно в мучениях тела.

Сила клубилась вокруг, вздымалась приливом, растекалась по линиям – они уже и в свете дня сияли раскалённой

провоолокой; подземное пламя больше не выбивалось наружу беспорядочно – оно тянулось к магической фигуре, подстёгивая и без того растущую её мощь. Если б не Гости, с этим чародейством Ведьме было бы не управиться – да и никому на Араллоре не управиться, даже хвалёным Орденам Корвуса, несмотря на всё их умение. Так что, любезные Стихии, мы с вами ещё друг другу послужим – если будем все хорошо себя вести...

Третьим пленником был мальчишка лет двенадцати. Черноголазый, босой, в простой домотканой одежде – выловили небось в северных баронствах, а может, деревня сама его продала; народ там живёт бедно, неурожаи часты, а с ними и голод. Мальчишка дёргался и пытался вывернуться, однако конструктор был сделан с расчётом на излишне беспокойных пленников, крючья цеплялись за одежду, впивались в кожу и держали надёжно. Однако слепого ужаса в паренёке не было – были злость и обида, он хотел жить, хотел бежать, хотел мстить. Великолепно!

– Не бойся, малыш. – Госпожа склонилась к нему. – Очень больно не будет...

Крови в нём, конечно, как в цыплёнке. Однако это сейчас весьма кстати, нам ведь совсем не надо открывать врата широко – только чтобы хватило Госпоже и её подарку, а все остальные пусть застрянут...

Мальчишка и впрямь умер быстро, Ведьма постаралась. Белый пламень вокруг клетки сделался плотным, тёмный

провал за ним почти не виден – но он ясно ощущался там, ход в немыслимую бездну, один из древних отнорков, некогда устроенных пленителями Дракона для отвода лишней силы, а теперь вскрытый, превращённый в узкий проход.

Она бестрепетно шагнула сквозь пламя, Хозяйка Радуг – следом. Теперь самое трудное...

Они стояли над бездной, полной багровых отсветов. Госпожа положила руку на клетку – прутья казались выкованными из того же белого пламени, что и стена вокруг, и плотно облепили скорченную тёмную фигуру внутри. Сила рвалась изнутри, грохотала, словно вода в горной реке, сокрушительным, стремительным потоком. Здесь всегда тяжело удержаться, не вылететь как пробка из бутылки, да ещё пронести что-то с собой.

– За мной! – крикнула она и обрушила заклятие, удерживавшее белое пламя на месте.

Пламя свернулось, накрыло её горячей волной, увлекая вниз, против потока вырывающейся наружу силы. Хозяйка Радуг шагнула следом, заклятье тянуло вниз и её, но ключ от него сжимала в руке Госпожа – белое пылающее зерно. Уж теперь-то она никому не даст пройти вперёд!

Заклятие, замешенное на жертвенной крови, пробивало путь в противостоящей магии, тащило вниз с такой скоростью, что чернота, пронизанная багровыми сполохами, слилась в сплошную пульсирующую стену. Клетка с жертвой приросла к ладони, белые раскалённые прутья прожига-

ли кожу – ничего, ожоги самая малая плата за то, что она собирается совершить. Теперь это были уже не прутья – вервия, плотно охватывающие женщину, чёрную, как самая беззвёздная ночь, свернувшуюся в позе эмбриона. Древнее создание, очень древнее и сильное – то, что и требовалось для сегодняшнего дня.

Последнее вливание в Дракона.

Пульсирующие багровым стены смыкались, а белый огонь между пальцами угасал. Ведьма сильнее сжала кулак, не позволяя заклятью слишком сильно раскрыть проход. Возникло знакомое чувство тошноты, лёгкого удушья – ворота приближались, ворота готовы были её принять. Тьма сгущалась, удушье навалилось, грудь сдавило – ворота сходились слишком быстро, настоящий капкан, эдак совсем сомнут! Но ещё рано, рано отпускать – ворота должны отбросить летящую следом Хозяйку Радуг. Ведьма начала задыхаться, свет белого огненного зерна почти потух, со всех сторон навалилась неподъёмная тяжесть... но вот сила вздрогнула и словно бы издалека долетел сдавленный, полный гнева вскрик; Хозяйка Радуг ударилась о ворота и потеряла след от заклятия. Теперь рвущийся наружу поток силы должен выкинуть её вон.

Госпожа разжала пальцы – белый свет хлынул волной, ворота ослабили свою хватку. Она ловила ртом воздух, медленно опускаясь вниз. Всё, всё, самое сложное позади. Теперь всё пойдёт как надо...

Туннель снова вздрогнул.

Что это?!

Тени мелькнули в приоткрывшихся воротах. Кто-то ещё последовал за Хозяйкой Радуг незаметно для Ведьмы, кто-то ещё тоже входил во владения Дракона, и она уже никак не могла помешать. Могла только смотреть, как плавно опускаются, догоняя её, две знакомые фигуры.

Ну, конечно. Те, кто отсутствовал в Замке – но зато чудесным образом явился сюда, и она сама, сама открыла им дверь!

Владычица Молний и Король Небес. Или Королева Молний и Владыка Небес? Или как-то ещё? Ведьма путала их напыщенные именованья, предпочитая запоминать лишь стихии, которыми «повелевали» её Гости.

Они оба улыбнулись ей – покровительственно и насмешливо, дескать, с кем тягаться-то собралась? Госпожа почувствовала, как горит лицо, и без того опалённое белым магическим пламенем. Они, конечно, увидят то, чего не должны, и они, конечно, помешают... но она сделает всё, чтобы этого не допустить!..

Сегодня Дракон должен получить последнюю порцию силы перед великим преображением. Они с Гостями всё просчитали, останется только финальный обряд. Вот только Госпожа внесла в эти планы свои маленькие детали – и, как оказалось, её уважаемые партнёры тоже. Ну и кто из них теперь кого перехитрит?..

Все трое плавали в чёрной пустоте, ворота закрывались

окончательно, и наваливалась привычная дурнота – дурнота от полного отсутствия силы. Связанная сущность беспокойно шевельнулась под ладонью Ведьмы. Гости заохали – им, магическим созданиям, сейчас должно сделаться вовсе невыносимо... а вы, милые, думали, я сюда на увеселительные прогулки хожу?

Мгновение полной, абсолютной, непроницаемой тьмы, без света и магии, а потом во тьме забрезжило багрово-золотое сияние. Оно исходило из тёмного облака, клубившегося над головой, – а далеко внизу плескался чёрный бескрайний океан, сливавшийся на горизонте с небесной тьмой. Под ногами возник чёрный каменный островок – точнее сказать, узкая высокая скала, на вершине которой все трое и очутились.

Госпожа здесь ещё не бывала – то есть Дракон не принимал её в этом пугающем пейзаже; похоже, решил произвести впечатление наGuests. И произвёл.

– О-о-о... – протянула Владычица Молний, озираясь. Была она крепкая, черноглазая, в сложной причёске между волосами то и дело проскакивали синие искры. – Брат, ты это видишь?! Вот это... – Она широко обвела рукой чёрный океан, словно в великом восхищении. – Расчёты и подсчёты – они не врут, но увидеть самой...

– Добро пожаловать в подземелье Дракона, любезные Гости, – пробормотала Ведьма.

– Ты зовёшь его так?

– У него много имён. – Ведьма пожала плечами. – Огненный Зверь, Дракон, Дух Бездны, Погибель... Здешние гномы зовут его Первоогнём, орки считают повелителем умерших, грозным Гарзонгом – всего не упомнишь.

– Кому погибеть, – Владыка Небес оглядывался с тем же восхищённым видом, что и его подруга, – а кому и радость. Сила в чистом виде, сгущённая, свёрнутая... всё верно, как мы и предсказывали, сестра, тут можно звёзды взглядом зажигать! – обернулся к Ведьме и закончил: – Даже тебе, смертная!

«Смертная». Что ж, ненужные любезности отброшены, тем лучше. Тем проще ей будет вывернуться. Все эти великие силы, маги из магов – как же вы слепы в своём высокомерии! Однако прежде следовало дожидаться хозяина этого места. Вернее, бога.

И он не замедлил.

Пространство сотряслось, чёрные воды схлынули, образуя гигантский водоворот. Из него – с грохотом и плеском, медленно – поднималась рогатая фигура размером с хорошую гору; каскады воды, похожей на потоки чернил, срывались с плеч, руки были сложены на груди, глаза горели белым фосфорическим огнём. Голос, прокатившийся под тёмными сводами, заставил каверну содрогнуться:

– Вы, явившиеся незваными, – кто вы?

Владычица Молний выступила вперёд, на край скалы, оттеснив Ведьму:

– Мы – посланцы к тебе, великий! Мы твои братья и сёстры. Такие же, как ты.

Кожа её испускала голубоватый свет, причёска превратилась в клубок живых молний, глаза светились, как у кошки.

Ведьма невольно отступила, по-прежнему держа ладонь на спелёнутом существе у её ног. Что они задумали?.. Дракон сожрёт их, даже не поморщится! Они, конечно, всё просчитывали очень тщательно, но они не представляют себе границ его мощи и его гнева, потому что... да потому что нет их, этих границ!.. По крайней мере, для мира Араллор.

Тёмный исполин даже не расхохотался, удивился:

– Вы, букашки?

Он протянул руку, оказавшуюся очень длинной, и слегка толкнул скалу. Площадка под ногами заколебалась, Ведьма невольно присела, пытаясь удержаться, опёрлась о холодный камень. А Владычица Молний бесстрашно шагнула вперёд, в пустоту, и осталась висеть над бескрайностью чёрных вод.

– Да, великий. Мы, равные тебе, искали тебя, потерянного брата. И нашли. Мы пришли освободить тебя.

– Вы, букашки?... – На этот раз хохот, кажется, сотряс вселенную.

– Мы, великий, – продолжала Молния как ни в чём не бывало. – Это мы посылали тебе помощь со своей слугой! Мы отдавали тебе жизнь, и кровь, и силу. И ты уже способен сокрушить стены темницы.

«Со своей слугой»?! Ах ты, свечка неблагодарная! Это вы,

что ли, добывали божков и духов, безумных, прячущихся по лесам и горам? Это вы лезли сюда, прямо в пасть к Дракону? Это вы уговаривали его принять жертву, каждый раз рискуя жизнью? Это вы его... это вы с ним...

Однако Ведьма хоть и задохнулась от возмущения, но благоразумно промолчала. Эти двое отсюда выйти не должны, и они не выйдут – ни сейчас, ни позже. План в голове уже сложился, а с Драконом она как-нибудь договорится...

Тёмные воды сотряслись, когда рогатый гигант поднялся над ними, поравнявшись с Владычицей Молний; мгновение – и он обратился в длинного чёрного дракона, короткокрылого, с белыми мёртвыми глазами. Дракон мгновенно очутился возле скалы, взял её в кольцо, оплёл гибким телом и разинул пасть, полную багрового огня:

– Так освободи меня, дерзкая...

Владычица Молний тоже в долгу не осталась – на месте роскошной брюнетки теперь исходил искрами клубок голубых молний, свившихся, словно змеи.

– Скоро, великий, очень скоро, – прошелестел он. – Пока же прими наш дар!

Владыка Небес, или как его там, чувствительно ткнул Ведьму в плечо. Она беспрекословно выпрямилась и одним движением ладони сдёрнула со связанной сущности белую раскалённую сеть. И тут же отступила назад, на край скалы.

Глянула вниз – высокогато, однако, а левитирующие чары не из приятных, учитывая переизбыток силы вокруг. Это

всё равно что пить центаврийский джоль, крепкий настоль-
ко, что его приходится держать в огнеупорных сосудах.

Связанная фигура распрямилась – медленно, словно не
веря своему счастью. Женщина невероятной красоты, раза
в полтора выше Ведьмы, обнажённая и совершенно, непро-
ницаемо чёрная – под стать самому Дракону. Древняя боги-
ня, похоже, родом из Каамена – впрочем, не важно, ей всё
равно осталось недолго. Сейчас, опьянев от разлитой вокруг
силы, богиня захохотала, раскинув руки и подняв к клубя-
щейся туче, прорезанной багрово-золотыми лучами, жуткий
безглазый лик.

– Сестра... – прошелестел Дракон, обвивая скалу. – Я
помню... помню тебя... ты храбро билась рядом... пребудем
же вместе, навеки вместе!..

Так случилось и раньше, когда Госпожа приходила сюда
без провожатых, – в единый миг Дракон разинул пасть, в ко-
торой клокотало пламя, на пришельцев дохнуло громадной
печью, и чёрная богиня исчезла. Хохот её ещё висел в воз-
духе, а её самой уже не существовало.

А потом чёрный пейзаж стал трескаться, осыпаться, слов-
но нарисованный на пепле. Исчез бескрайний чернильный
океан, исчезло тёмное облако, исчез и сам Дракон. Теперь
все трое очутились посреди лесной поляны под ясными лет-
ними небесами, а перед ними, опираясь на двуручный меч,
стоял высокий рыцарь в угольно-чёрной броне. Лезвие меча
пылало багровым.

С каждым новым приношением, с каждой новой жертвой Дракон становился всё сильнее. Всё реальнее. Если в первые встречи он более всего напоминал бесплотный дух, то сейчас Ведьма готова была поклясться, что рыцарь (как и дракон до него) были самыми настоящими, сотворёнными из плоти и крови. Тёмный Владыка, Дракон, был здесь поистине царь и бог.

Всё здесь, в этой громадной пещере, переполненной магией, было настоящим, и всё – видимостью. Под тонким слоем реальности бурлила неоформленная сила, бескрайние моря силы, океаны, бездны. Ведьма каждый раз боялась лишний раз чары наложить, чтобы не сгореть от отдачи. Однако ей удалось почти невероятное – в океане сырой, горючей магии плавала её собственная конструкция, постепенно собранная из мелких простых заклятий. Дракон, конечно же, знал о ней, хотя назначение конструкции его не интересовало. Она просто раздражала его своим постоянством – здесь, в перенасыщенном силой пространстве, постоянно что-то возникало и распадалось, и Дракон не выносил ничего стабильного. Однако Ведьма сказала: если тронешь, я больше не приду. И он держался. Он хотел, чтобы она возвращалась – никакой конструкт, никакая иллюзия не дали бы ему того, что давала она. Любви...

Владычица Молний приняла свой обычный вид, разве что причёску небрежно поправила.

– Ваш дар мне по сердцу, – произнёс рыцарь глухо. – Но

вы не мои братья и сёстры, их я помню, я помню всех, бившихся в последней битве нашего мира. Вы – не из их числа. Освободите меня, лжецы, и тогда поговорим!

– Для твоей свободы, великий, – Владыка Небес выступил вперёд, изящно поклонился, – для твоей свободы не хватает одной малой малости. Ступи сюда.

Он ловко расстелил на траве чёрный ковёр, испещрённый рунами и знаками. Ведьма нахмурилась. Коврик, конечно, тоже видимость и кажимость, однако даже она способна была расшифровать основу. Преобразующие заклęcia, странные, незнакомые. Те, кто их налагал, работали с магией каким-то другим способом, словно выворачивая наизнанку саму её суть. Ведьма уловила основу, но что за ней – понять уже не могла. Однако вряд ли это такой портал для особенно могучей сущности, хотя бы потому, что Гостям от Дракона вовсе не это было нужно... если, конечно, она их правильно поняла.

«Не трогай это, Дракон!»

Однако Дракон, к её ужасу, заинтересовался предложенным. Кончик багрового меча коснулся ткани, над ней тонкой струйкой поплыл дымок.

– Я чувю... – медленно произнёс Дракон. – Я чувю... Ветер мира, ветер свободы... я его не забыл...

– Всё готово, великий, – Владычица Молний чуть склонила голову. Она несколько не боялась и не волновалась, словно всё шло именно так, как нужно.

– Всё готово, – подтвердил её брат.

Ведьма принялась лихорадочно нащупывать свои заклятия – те самые, о которых Гостям знать не полагалось, нащупывать и тихо-тихо тянуть к себе. Может быть, она ещё успеет... Её единственный шанс во внезапности. Если подтащить ловушку поближе и отвлечь внимание Гостей и Дракона, она успеет заточить их в ней. Должна успеть. Ловушка, конечно, не готова, закончить её нужно было сегодня, но всё равно сколько-то выдержит. Хватит, чтобы решить, что делать дальше.

– Ступи сюда, великий, и будешь свободен, – посулил Владыка Небес. – Это врата. Мы последуем за тобой.

«Не делай этого, Дракон! Это что угодно, но не врата!»

Однако он словно не видел Ведьму. Похоже, им овладела смертельная тоска по свободе, охваченный которой, бывало, он крушил стены своей громадной темницы; крушил – и не мог сокрушить, ибо они обрушились бы вместе со всем миром. Он больше не рычал на Гостей – он почуял ветер свободы и безоговорочно им поверил.

– Я иду!.. – Рыцарь вскинул пылающий клинок и шагнул вперёд.

– Нет!..

Мгновение выбора: столкнуть Гостей в раскрывающийся зев ловушки или выдернуть другую ловушку из-под ног Дракона?..

Ведьма почти не колебалась. Гости слишком растерялись,

не зная, к кому кинуться, и тогда она сама изо всех сил толкнула Владыку Небес; детство, проведённое на вольных берегах Ормдаля, даром не прошло. А у Гостей такого детства явно не было – они ожидали магической атаки, заклятий, волшбы, но не того, что их самым банальным образом собьют с ног. А ловушка уже всплывала из-под тонкой реальности, и нежно-зелёная трава оборачивалась чёрным водоворотом, жадным ртом, тянущим в себя всё вокруг.

– Брат, сделай что-нибудь! – взвизгнула Владычица Молний, тщетно пытаясь ухватиться за траву. Бесполезно – почва проваливалась, трава распадалась бесследно. Ведьма этим своим построением весьма гордилась – оно в миниатюре повторяло гигантскую тюрьму Дракона. Она тянула в себя магию, и чем сильнее была попавшая в поле действия ловушки сущность, тем сложнее ей было выбраться.

Правда, узилище Дракона создавали те, кто был куда сильнее Ведьмы, и у него-то шансов выбраться не было совсем, и даже у Гостей, явись они сюда раньше, тоже не получилось бы выйти, ловушка выпускала лишь немагических существ вроде людей, а для открытия врат снаружи требовалась магия крови.

Чёрный водоворот стягивался, увлакивая за собой обоих Гостей; Северная Ведьма, отползшая на безопасное расстояние, дрожащей рукой вытерла лоб. А вот Дракон...

У него хватило ума всё-таки ступить на «коврик». И, конечно, это оказался никакой не портал.

Ведьма, онемев, глядела, как коврик обратился ожившим лоскутом тьмы и охватил ноги рыцаря; багровый меч резанул по жидкой тьме – лезвие увязло и начало противоестественным образом погружаться. Дракон заревел, и этот рёв потряс всю громадную каверну. В единый миг исчезли лес и голубое небо, осталась необозримая подземная полость, наполненная багрово-золотым огнём. Он пылал почти под ногами, близко, клубился, протуберанцы вспыхивали и едва не лизали грубый каменный свод. Ведьма прилепилась к камню, точно муха к потолку – здесь, в средоточии силы, понятия верха и низа не имели смысла. Под ней – или над ней? – клубок тьмы, пронизанной багровым, бился с другой тьмой, непроглядно-чёрной. И чернота побеждала.

Ведьма, не веря своим глазам, смотрела, как сущность Дракона оказалась полностью заключена в непроницаемую глобулу, медленно дрейфующую среди океанов огня; протуберанцы лизали её, багровые волны неоформленной силы захлёстывали, вздымаясь из глубины, однако пробить не могли. И это была не совсем ловушка – по крайней мере, устройство её отличалось от того, какое она придала своей. Это и впрямь были некие преобразующие чары, донельзя липкие и стойкие. Целью их было лишь обездвигить жертву и как-то на неё воздействовать – Дракон мог дотянуться до бушующей вокруг силы, но ничего не мог поделаться со своей неволей.

Ловушка самой Ведьмы прилепилась к потолку недалеко

от неё – сейчас она казалась уродливой раковиной, навроде устричной, серой, в наростах и наплывах.

Северная Ведьма, она же Госпожа, она же – когда-то очень давно – юная баронесса Ита Ормдаль, переводила взгляд с одной ловушки на другую и чувствовала внутри странную, обессиливающую пустоту.

Зачем всё это было, чего добивались Гости, фактически предав её (предав раньше срока, поправил внутренний голос). Для чего обманули Дракона? И что она будет теперь делать? Выбраться отсюда без посторонней помощи она, конечно, сможет – но что дальше? А освободить пленённых Стихий – попросту страшно.

Госпожа висела под каменным сводом на одном тонком заклятии и впервые в жизни понятия не имела, что ей делать.

Глава 5

«Величав и многочиселовечен град Арморика, однако град Константия краше! Предивен он садами своими, и храмами, и беломраморными дворцами, но славен более престолом императорским, чародеями и волшбою. Невелик град Константия, а стоит выше прочих».

Квинт Фабий Веспa всегда вспоминал этот отрывок из «Анналов Корвуса», когда приезжал в столицу. Отрывок общеизвестный, его учат все дети, едва переступившие порог элементарной школы, и большинство потом забывает – а вот Квинт помнил. «Не велик град Константия, а стоит выше прочих».

А выше всего в Константии возносится белоснежный купол Капитула.

Процессия прогрохотала по брусчатке под Марциевой аркой, за которой разбегались в стороны тихие столичные улицы. Два цвета царствуют здесь – белый и зелёный; мягкая белизна знаменитого жемчужного мрамора из Огровых гор, которым отделявает свои особняки знать, и тёмная зелень садов и парков, в которых опять-таки сквозит белизна скульптур, малых святилищ и оград. Некогда цезари из славной династии Валериев, переноса столицу из разросшейся, бурлящей Арморики в глубь страны, повелели ограничить в ней строительство и многолюдство. Последующие императо-

ры оценили мудрость этого решения: Констанция оставалась градом избранных.

Здесь не шумели гигантские рынки, не уродовали окраины склады и скотобойни, не сверкали ложным золотом весовски ростовщиков и перекупщиков. Здесь, как выражался высокоучёный и многодостойный магистр Ордена Совы Серторий Красс, «делали политику». Политику, и только её, а для всего остального имелись Рурициум, Хортониум, Астурция, северная Аквилея, да и та же Арморика, хоть и изрядно захиревшая за века. А ещё – чародейное искусство дальновидения и тайных путей, позволявшее сведущим людям не терять связь со всеми своими предприятиями.

– Куда править, доминус? – Тилл, раб, сидевший на козлах, обернулся к Квинту.

– Сразу в Капитул. Мы и так задержались.

Повозки свернули, грохоча по округлым камням мостовой, так, что возвращавшаяся с рынка служанка отпрыгнула, рассыпала яблоки и что-то гневно завопила вслед. Первой катила открытая, удобная эсседа, которую Квинт нанял в Рурициуме для себя, за ней, изрядно замедляя движение, следовали две конные повозки, поменьше и побольше: на первой поклажа самого мага да пара его учеников, на вторую, прикрытые грубой холстиной, нагружены ящики и клетки. Послание Капитулу от Ордена Совы.

Чем ближе к цели путешествия, тем более смутно становилось у Веспы на душе. Плохо, что они так задержались, и

придётся вести речи, не отдохнув, не приведя мысли в должный порядок; ему предстоит дело, важнее которого у него в жизни ещё не случалось. Но хорошо, что вообще успели доехать – кто же знал, что конные повозки окажутся настолько медлительны, а дороги настолько забиты!

Капитул никогда не был местом единства, маги всегда соперничали между собой за влияние, за место подле императора, всегда интриговали. Задумавший объединить их – хотя б на краткое время, хотя бы против общего врага – рисковал взяться за невыполнимое. Однако Квинту придётся попытаться – если, конечно, его, Сову, отшельника и звездочёта, послушает хоть кто-то из высокомерных столичных коллег. Угроза, нависшая над империей, того стоила.

Наконец из-за деревьев вынырнул белоснежный, похожий на вытянутое яйцо купол, опоясанный рядами скульптур; великие маги, воители, императоры вели вокруг него бесконечный хоровод. Когда-нибудь, быть может, и Квинт окажется среди них... Небольшую площадь перед длинной лестницей, ведущей к портику Капитула, заполняли повозки да разноголосый люд – Великий Капитул собирался раз в два года, Ордена прислали магов первой и второй ступеней, прибыли и сами магистры; повсюду колыхались чёрные и синие с золотом плащи, а над ними витал едва уловимый, щекочущий дух магии. Зрелище, какого нигде в мире не увидеть – поистине выше всех стоит град Констанция!

Квинт спрыгнул с эсседы, едва она остановилась на краю

площади, под огромными старыми платанами. Бросил ученикам:

– Берите клетку, прочее оставьте. Тилл, приглядишь, и возниц не отпускай!

Раб только поклонился. Пленник, купленный три года назад в Арморике истощённым и избитым, закованным в заговорённые кандалы варваром-колдуном; в рабстве Тилл отъелся, показав себя усердным и преданным слугой, так что Квинт даже снял с него жгучее железо, оставил только сигнальный амулет. Тилла вряд ли ждал дома, в Заморье, тёплый приём, а здесь он оставался под защитой своего господина, пусть не самого важного, но тем не менее орденового мага. Так что о надёжности слуги можно было не беспокоиться.

Квинт резко остановился и окинул взглядом бурлившую толпу. То ли и впрямь чьё-то заклятие лёгким холодком коснулось его мыслей, то ли от напряжения почудилось – нет, не должно, не должно быть! На него навешено столько амулетов, что сами боги не смогут заглянуть ему в голову, даже если захотят, что уж говорить о тех, кого ему стоило опасаться. Но они, должно быть, тоже здесь и так или иначе – но настороже.

– Ха, Веспа, вот это встреча!.. – Из толпы возник плотный рыжеволосый мужчина в синем плаще, и, не дав Квинту опомниться, заключил в объятия. – Сколько ж мы не видались? С позапозапрошлого Капитула, а?

– Рад видеть тебя, Руфус, живым и здоровым. – Квинт с трудом высвободился из медвежьих объятий, но он и впрямь был рад. Так уж вышло, что карьера у школьного друга не задалась, он по сей день мыкался на пятой ступени в Ордене Весов, правда – в столице; зато Квинт пошёл в гору, но – в значительном от оной столицы удалении. – Как ты? Не женился ещё?

– Скорее Капитул в полном составе поразит импотенция, чем я свяжу себя узами брака! – пылко воскликнул рыжий. – Что это ты тащишь? Никак мантиду отловил в своей глуши?

Квинт засмеялся:

– Нет, сюрприз поинтереснее!

– Эх, нам, черной кости с пятой ступенью, в Капитул хода нет. – Руфус разочарованно вздохнул. – Мы так, принеси-унеси. Гостей обустрой, их желания исполни. Да ты забыл, что ли?.. Вижу, вижу, что забыл, думаешь, все тут с первой ступенью. – Он шутливо погрозил Квинту Фабию пальцем. – А раз так, с тебя причитается!.. Выпьем, когда закончишь, а, дружище? Тогда и поделишься новостями.

– Непременно, – заверил Квинт, а сам подумал: «Если получится».

Он шёл сквозь толпу, раскланиваясь, приветствуя, хлопая по плечу и целуя чародейкам кончики пальцев; мальчишки-ученики пыхтя тащили следом прикрытую холстиной клетку. Наконец – мраморная лестница, знакомая, мягко мерцающая под ногами, такое же знакомое и неприятное

давление негаторов магии, словно бы оглушающее и ослепляющее одновременно, и – громадный круглый зал Капитула. Тоже белый, мягко светящийся, почти пустой, только деревянные скамьи, амфитеатром спускающиеся вниз, да скульптуры в стенных нишах.

Императоры из династии Марциев, что сменили правивших до того Валериев. Великие цезари. Один из них, тот, чью скульптуру ещё не успели водрузить в соответствующую нишу, сегодня будет здесь.

Квинт Фабий Веспта внезапно ощутил, как во рту пересохло. Император... невозможно было предугадать, как он всё это воспримет. Фабий с магистром Крассом обсуждали разные варианты, от горячей поддержки до безразличного равнодушия (и такое было вероятно), однако Ордену следовало привлечь внимание цезаря во что бы то ни стало. Собственно, для того и был задуман весь этот цирк с клеткой... И потому сегодня здесь Квинт, а не магистр Серторий Красс, которого император терпеть не может – впрочем, взаимно. К Фабию же старый повелитель был равнодушен, как и к большинству подданных, и потому у него имелся шанс. Не слишком большой.

Ученики с клеткой остались у входа, сам же Квинт занял место, отведённое Ордену Совы, напротив статуи великого Тита Марция Магна. Нынешний император, говорят, ревнует к славе предка – но, положив руку на сердце, что он сделал, чтобы к ней приблизиться хоть на шаг?

Прирастил империю?

Нет. Держава упёрлась в море на востоке и в безбрежный океан на западе, на юге простирались непроходимые сельвы Каамена, на севере держались орочыи кланы. А что это за империя, не раздвигающая своих пределов? Войны прибыльны, сколь бы цинично сие ни звучало, – разумеется, когда ведутся правильно. Нынешний император почти не воевал. На сотни лиг протянулись пограничные укрепления, удерживаемые застоявшимися легионами, – этого считалось достаточно. Может, оно и так, а цены на рабов растут, иные латифундисты занялись «племенным разведением», скрещивая двуногий скот, словно коров или овец. Отчего-то это казалось Веспе особенно отвратительным. Нет, конечно, раб есть раб, низшие служат высшим, многие пленники рады-радехоньки тёплой и сытой жизни в империи, но... выращивать детей на продажу?.. Против этого у Веспы внутри всё восставало.

Или, может, император даровал гражданам новые права, а государству новые законы?

Ничуть не бывало. Цезарь ничего не урезал, но и не прибавил. «Всё должно оставаться как было».

Может, он покончил с морским разбоем, с набегами воинственных северян из державы Нейдрингов? Усмирил дикарей из кааменских джунглей на юге или привёл к покорности владетелей Стодийского герцогства, шагнув наконец за узкую черту Межпроливья? Потеснил варварийские королевства и вернул утерянные триста лет назад восточные вла-

дения?..

Ничего-то он не сделал, кроме того, чтобы сохранить заведённый ещё при отце его порядок – разве что покровительствовал расцвету магических искусств, но и то для Орденов обернулось новыми интригами и потерями. Вместо того чтобы изыскивать новые пути в магии погодной и сельскохозяйственной, в магии фундаментальной, основе основ, и магии целительной, Ордена бились за благосклонность повелителя и за возможность запустить руку в имперскую казну, бились долгие двадцать лет, пока не пришли чужаки; бьются и по сей день, но... Может, старый цезарь Марций Цельс и не так уж глуп, вдруг подумал Квинт, но мыслит он не широтою империи, а узостью своего человеческого бытия. На том и будем играть.

Так они, собственно, и замыслили с магистром. Главное, чтобы остальные Ордена, занятые грызнёй, и прочие свободные маги не вставляли бы палки в колёса!..

Ибо должен же хоть кто-то думать не о собственных карьере, кармане и связях, а об империи Корвус.

Квинт вздрогнул. Занятый размышлениями, он не заметил одного из тех, кого следовало опасаться более всего – того, кто только что сел напротив, под статуей Тита Марция Магна, сел спокойно, расслабленно привалившись к спинке скамьи, дружески кивнув Квинту; Веспта машинально проверил ментальную защиту и едва не плюнул с досады, не обнаружив её. Ну конечно, это же зал Капитула, магия здесь

не работает, за исключением отдельного подиума для демонстраций... Так заведено давным-давно, во избежание продолжения прений средствами боевой магии – часть императорских негаторов постоянно находится здесь. И всё равно в животе возник неприятный холодок, ощущение, будто этот «свободный маг» Кор Двейн читает его словно раскрытый свиток.

Слишком большую власть они забрали, эти чужаки, слишком глубоко влезли в дела империи... И вот уже их боятся, вот уже без них не принимается ни одно решение, вот уже сам цезарь выслушивает их советы. Неясно только, чего же они хотят? Власти? Знаний? Богатств? Всё это у них есть и так.

Магистр Серторий Красс вместе с ближними орденскими чиновниками голову сломал, отыскивая в донесениях из Константины следы покровителей «свободных магов», тех, кто мог бы за ними стоять, и гадая об их целях. Варварские королевства Заморья? Империя Шепсут? Нелюди? Сама Северная Ведьма? Ничего. Явились из ниоткуда, свили в империи уютное гнездышко и усердно трудятся... Зачем?

Квинт паническим усилием загнал эти мысли в самый дальний угол. А если Двейн и впрямь его читает?.. Конечно, императорские негаторы магии абсолютны, но... кто знает? Чужаки и впрямь чрезвычайно сильны и часто используют такие приёмы и такую волшбу, о которой в Корвусе и слыхом не слыхали.

Зал Капитула тем временем почти заполнился. Расселись остепенённые, важные орденские маги, знаменитости, политики и учёные, мягкое сияние жемчужного мрамора потускнело от обилия синих и чёрных плащей; лишь немногочисленные «свободные» вроде Кора Двейна позволяли себе одеться как захочется – Двейн небрежно откинул с плеч белый плащ с золотой каймой. Скамьи вокруг Квинта блистали пустотой: звездочёты были самым немногочисленным, самым замкнутым и отдалённым Орденом; сегодня его представляли только Квинт Фабий и два постоянных орденских посланника в Константию, явившиеся в последний момент и, кажется, не слишком довольные присутствием молодого коллеги. Ничего-ничего, иной раз полезно тревожиться за своё тёплое местечко...

Едва они опустились на скамью, не успев даже перекинуться с Квинтом Фабием парой слов, как глашатай возвестил:

– Повелитель империи Корвус, Август доминус, владыка земель от Огрских гор до сельвы Каамен, от Алерратских вод до морей Межпроливья, магистр Ордена Дракона, великий мастер Тит Марций Десятый Цельс!

Зал в едином порыве встал, склоняя головы. Цельс вошёл через нижний вход, открывавшийся только для императоров, бывших одновременно и главами Капитула – как «магистры Ордена Дракона», Ордена, включавшего только особ императорской крови.

Вот он, Тит Марций, высокий старик, высохший, прямой как палка. Он и шёл, будто деревянный, не сгибая спины, глядя куда-то поверх склонившихся магов. Квинт даже со своего места видел глубокие, словно резцом проведенные морщины, выцветшие от старости глаза, немигающие, как у хищной птицы. Рот – узкая щель, нос – загнутый клюв. Не Цельсом¹⁷, Высоким, следовало его прозвать, а Акципите-ром, Ястребом.

Правда, дела у него скорее змеиные, а речи медленные и полные скрытого яда.

– Приветствую, Капитул магов империи, – проскрипел император, развернулся и, по-прежнему не сгибаясь, прошествовал к своему месту напротив входа, в самом низу амфитеатра, в роскошном мраморном портике.

Великий Капитул начался.

Пышные речи *magnum Magisters*, верховных магистров, Квинт Фабий пропустил мимо ушей. Доклады «О положении империи», «О состоянии Орденов» и тому подобное – с них всегда начиналось заседание Капитула. Значение имела только последовательность, в какой выходили на подиум ораторы: показывала, кто сейчас в фаворе у цезаря, а кто так, не очень.

Открывали собрание Весы. Оно и понятно, самые ловкие, умеют балансировать, и нашим, и вашим. Всем поддакнут, никому не возразят; правда, речь их магистра оказалась на

¹⁷ Celsus – высокий (лат.).

удивление краткой и содержала в основном пышные славословия священной особе императора, а вот всё самое важное досталось формально второму Ворону. Что-то интересное, так-так... Август желает выказать своё благоволение чернокрылым, но так, чтобы и колебальники не оказались совсем уж обижены?..

Веспа, конечно, отмечал в памяти, кто и о чём говорил, но поверхностно; куда больше его занимал Кор Двейн. Хотя ничего примечательного чужак не делал: так же как и Квинт, откровенно скучал, разглядывал окружающих, любезно улыбнулся, вполголоса поздравил магистра Ворона, вернувшегося на своё место – одним рядом ниже, ближе к императору.

С магистрами запросто беседует... Откуда они вообще взялись, эти «свободные маги»? Веспа едва сумел подавить приступ злости. Сами они говорят, что пришли «из-за неба, из чужих миров» – может, это и так, в Араллор и раньше попадали чужаки, люди и нелюди, и Ордена, бывало, снаряжали экспедиции вовне (половина, правда, пропала, половина вернулась, обнаружив в окрестностях полудикие миры, навроде сельвы Каамен).

Так что им нужно здесь? И, кстати, где ещё двое сотоварищей Двейна?

– Орден Совы берёт слово! – возгласил сегодняшний auctor¹⁸ Валерий Сивилл. – Почтенный Квинт Фабий Веспа,

¹⁸ Auctor – здесь: спикер, председательствующий.

Орден Совы, первая ступень, прошу!

Ну вот он, момент истины.

Усилием воли Квинт изгнал из головы всё, кроме дела. Вышел в центр амфитеатра, приложил руку к груди в знак уважения к присутствующим.

– Магистр Серторий Красс не почтил Капитул своим присутствием? – проскрипел император, глядя немигающим взглядом куда-то мимо Квинта.

– Магистру неможется, великий Август доминус. – Почти-тельный поклон. Так, только не показывать волнения, только не показывать! Сдержанность и даже медлительность, ни одного лишнего слова, ни жеста.

– Мы желаем доминусу Максимилиану Серторию Крассу скорейшего выздоровления. Надеюсь, все необходимые меры уже приняты.

– Благодарю великого Августа. – Ещё один поклон. – Медикусы находятся при особе великого магистра неотлучно, состояние его не внушает опасений, однако использованные лечебные чары требуют полного покоя. Магистр Серторий снабдил меня всеми необходимыми полномочиями представлять Сову в Великом Капитуле, и долг мой оповестить вас, великий Август, о делах наиважнейших, кои стали нам известны совершенно недавно.

– Да будет так, – скрипнул император. – Повествуйте.

Веспа громко хлопнул в ладоши – условный знак.

Ученики, томившиеся за входной портьерой, потащили

мимо скамей прикрытую со всех сторон клетку.

– Трижды величайший Август доминус, владыка и повелитель. – Низкий формальный поклон, обе руки прижаты к груди. – Достопочтенные маги Капитула, славные Ордена Весов, Ворона, Змеи!.. – Ещё один поклон, но не столь глубокий, к груди прижата только одна рука. – Уважаемые коллеги, Ордена Лиры, Пчелы, Щита и Резца, свободные маги, да не удивит вас начало моей речи не совсем на злобу дня, отчего прошу покорно вашего благосклонного терпения. Некоторое время назад Орден Совы занялся разысканиями в области движения небесных светил и влияния их на магистральные потоки силы. Как вам всем прекрасно известно, астрوماгические таблицы Домиция Звездочёта требуют постоянных корректировок, а каждые тридцать лет приходится производить полный их пересмотр...

Капитул начал нетерпеливо ёрзать – оратор что, пришёл сюда рассказывать магистрам и высокоучёным чародеям азбучные истины? Император сидел неподвижно, как деревянная статуя.

– Для этого нам потребовалась экспедиция в северные территории, как можно ближе к землям орков – как и тридцать лет назад, как и шестьдесят... Однако на этот раз она закончилась иначе.

Аудитория примолкла, начала вслушиваться. Квинт чувствовал себя так, будто вновь сдаёт экзамен по ораторскому искусству в Академии. На Кора Двейна он старался не смот-

реть, будто его и не было.

По его знаку ученики водрузили клетку на демонстрационный подиум и сдёрнули холстину.

Тут даже сам цезарь подался вперёд, разглядывая сидевшее внутри существо своим немигающим взглядом.

Оно не двигалось, застыло, обхватив себя конечностями и подогнув ноги, и сейчас более всего напоминало клубок разрозненных частей тела, человеческих, животных, перемешанных с деталями какого-то механизма и оружием – да так оно по большому счёту и было. Но Веспта знал, что небольшой импульс силы оживит его, заставит работать комплекс сложнейших заклятий, исполнять заложенные в него задачи. Некромагия, соединённая с механикой. Великолепная идея – но почему-то одновременно и отвратительная.

Он направился к подиуму, прикоснулся к клетке, пояснил:

– Наши коллеги поймали это близ Снежных Топей, когда занимались колебаниями силы в Большой Дуге. Оно охраняло другое подобное создание, поэтому напало на экспедицию, посчитав её за опасность. Мы потеряли одного чародея и троих рабов, прежде чем справились с ним. Почтим же молчанием память Децима Элия Муски, мага четвёртой ступени, ценой жизни добывшего нам эту... эту тварь.

Здесь, возле подиума, магия работала – ах, какое же это удовольствие вырваться из-под давления негаторов!

Квинт влил в существо малую порцию силы; оно тотчас

зашевелилось. Распрямилось, повело всеми членами, словно проверяя, как они работают, – округлое тело-бурдюк на паучьих ножках, обтянутое бурой, в шрамах, шкурой и утыканное по окружности конечностями разной длины и вида, сжимающими оружие или являющихся оружием: стальная гизарма, судя по виду, родом из северных баронств, костяной гарпун с когтями, лассо из нежно переливающейся паутины, нож-мачете, короткое копье. Буркала, чёрные, выпуклые, сидели по всему телу, как глазки у картофелины.

Существо потопталось на месте, а потом деловито принялось пилить решётку.

– Клетка заговорённая? – крикнул кто-то с места, кажется, со стороны Лиры.

– Как может быть иначе?! – напоказ возмутился Весп; вспомнил наставления своего магистра, слегка повысил голос, поклонившись в сторону императора: – Уж не намекают ли нам, что Орден Совы настолько забыл долг верноподданных, что позволил бы себе подвергнуть опасности драгоценнейшую особу Августа доминуса?! – Весп гордо задрал подбородок, одёрнул плащ, как бы с трудом успокаиваясь.

– Некромагия! – Один из старейших Воронов, кого когда-то прочили на место магистра, да так и отодвинули, вскочил с места. Ливий Астурций, невысокий, сухоощавый и черноволосый, годы словно и не властны были над ним. Фабий напрягся: слишком быстро члены Капитула реагируют на его слова! Или это только кажется?.. – И ради вот этого вот вы

отнимаете наше время, любезный Веспасиан? Неужто Орден Совы в своём затворничестве позабыл, чему учат в Академии?..

Послышались мелкие смешки, кто-то показывал на Квинта пальцем.

– Подобные конструкты нам прекрасно знакомы, более того, Орден Змеи располагает открытыми методиками для их создания! Некроголемы не представляют никакого теоретического интереса – в отличие от мертвяков, естественной и куда более опасной разновидности некромагических созданий! Проблема разупокаиваний – полагаю, моему уважаемому коллеге это должно быть известно. Мертвяки сильны, свирепы, малоуязвимы; наше счастье, что самопроизвольные пробуждения погостов очень, очень редки – и, кстати, провоцируются как раз небесными явлениями, флуктуациями в распределении силы. Вот бы чем заняться достопочтенному Ордену Совы – вы звездочёты, вам и карты в руки. А вы явились сюда показывать обычных некроголемов. Поведите нас, уважаемый Веспасиан, что-нибудь поновее, ближе к истинным тревогам и заботам империи. Что вы хотите сказать, чего мы ещё не знаем?!

Ах ты ж петух облезлый, весьма непочтительно подумал Квинт о старшем чародее. Мертвяков приплёл. Вспомнил – хотя последняя инфестация случалась, если память не изменяет, ещё при прошлом императоре, где-то далеко на северо-западе державы. Мертвяки разорвали и слопали какую-то всеми богами забытую деревеньку, потолклись там, покру-

жили – а потом звёздные сферы сместились, та компонента великой силы, что поднимала трупы и заставляла их двигаться, иссякла, после чего мертвяки и рассыпались прахом, как и положено. Нет ведь, обязательно надо было носом ткнуть!..

Спокойнее, Весп, спокойнее. Сова не забывает обид, но выбирает, когда лучше нанести удар.

Квинт глубоко вздохнул, покосился на застывшего истуканом императора. Вот сейчас. Сейчас.

– Верно, почтенный Ливий, Ордену Совы всё это прекрасно известно, как и вам. – В атаку следовало заходить издалека. – В некроконструктах как таковых нет, конечно же, ничего нового, но, коллеги! Начнём с того, что это совершенно особый конструкт. Весьма схожий, кстати, с упомянутыми уже мертвяками. Наши собственные создания – хилые, слабосильные, не способные существовать вне лабораторных стен, требующие постоянного внимания, тщательного контроля над магическими потоками, непрерывной коррекции нарастающих биений, каковые в конечном итоге всё и разрушают. Вспомним, что наши конструкты боятся солнечного света, пыли и сырости; требуют долгой и кропотливой работы и – мой уважаемый коллега Ливий абсолютно прав – достойны не более чем упоминания в учебных курсах, ибо никакой практической ценности их создание не имеет. Однако здесь – всё совсем иначе. Посмотрите на него!..

Он широким жестом указал на возившееся в клетке существо.

– Мы взяли его в Снежных Топях. Посреди диких лесов. Оно не имеет практически ничего общего с привычными нам некроголемами – применены совершенно новые, неизвестные подходы!..

– Это уже академический вопрос, не имеющий отношения к важнейшим темам, ради коих собирается Великий Капитул!.. – упорствовал маг Ворона.

– Нет, уважаемые коллеги, и я докажу это. Нет ничего более далёкого от абстрактных академических штудий, чем этот конструкт!..

Гул голосов под куполом нарастал, словно гул налетающего ветра, однако его в один миг оборвал скрипучий голос императора:

– Дозволяю продолжать, Фабий Веспа.

– Благодарю Августа доминуса. – Почтительный поклон в сторону императора, даже излишне почтительный. – Итак, коллеги, первое – эти твари невероятно долговечны. Второе – не требуют постоянной подпитки силой и работают в условиях высоких широт. Высоких широт, коллеги! Где мы с вами едва способны свечку зажечь! Третье – они действуют независимо от создавшего их; мы обыскали все окрестные пущи, но не нашли никаких следов мага, который бы управлял ими. Четвёртое – им не страшны жара и холод, солнечный свет и ливень, они роются в грязи, они таскают тяжёлые камни. Пятое – они способны исправлять собственные... повреждения, так сказать, «залечивать раны», явля-

ясь, таким образом, теми самыми «идеальными автоматами», теоретическую возможность которых обосновал ещё великий Марк Аврелий Арморийский!..

По собранию вновь прокатился шум.

– Но не это самое главное! – Веспу несло. – Самое главное вот что: кто и зачем создал этот шедевр? Точнее, шедевры, ибо, как вы верно заметили, дорогой коллега, подобная тварь не одна.

– Все знают кто! – крикнул со стороны Лиры тот же голос, что интересовался прочностью клетки. – Это же Северная Госпожа, затворница Ледяной Твердыни!

– А теперь, – Квинт сам удивился металлу в своём голосе, – спросите себя: зачем? Зачем, о высокоучёные маги и магистры? Это – боевая машина! Долговечная, способная чинить сама себя, не требующая надзора! И она не одна, их много! Так зачем?..

Гомон, заполнивший было белоснежный зал Капитула, подозрительно быстро затих.

Веспа чувствовал, как кровь колотится в висках. Он нарушил все мыслимые протоколы, но его никто не останавливал.

– Неужели вам никогда не приходило в голову, что Ведьма не станет вечно сидеть на Севере? Да, она владеет величайшим секретом, которого не знаем мы, – как обойти правило, оно же проклятие, высоких широт. Почему нам казалось, что этого ей достаточно? Что она навсегда привязана к тем краям, которые нам с вами мало интересны? Почему

многоуважаемый Капитул не задавал себе вопрос: что, если с севера на нас надвинется армия подобных созданий?..

– Их невозможно наделать много! – фальцетом выкрикнул тощий маг со знаком Змеи на фибуле. Кто-то из недавно возвысившихся, Квинт его не помнил. – Это же некроконструкт, для него нужны трупы! Их невозможно добыть и сохранить в количестве, необходимом для армии!

– В холоде северных тундр? – прищурился Веспа. – В условиях переизбытка силы? Вы уверены... коллега?

– А вы уверены, что Ведьма готовит вторжение? Зачем? Нам с ней что, есть что делить? Она устроилась в своих пустошах, мы не лезем к ней, она к нам... Нет абсолютно никаких причин для войны!

– Вот железное доказательство! – разозлённый маг Совы ткнул в некроконструкта, который пробовал на прочность прутья клетки всеми имеющимися у него лезвиями и клинками.

Коллега стушевался, а Квинт, пользуясь общим замешательством, выложил последний козырь.

– С позволения величайшего цезаря, – ещё один почти-тительный поклон в сторону императора, – я дополню и завершу свою речь. Я был в той экспедиции, высокочтимый Капитул. И задавал себе те же вопросы, которые сейчас задаёте вы. И там же, на Севере, нашёл некоторые ответы.

Гомон в зале чуть притих.

– Мы искали следы других тварей, подобных этой, и на-

шли. Их не одна, не две и даже не десяток – подробно-сти в моём отчёте, представленном Капитулу сегодняшним днём. Их множество, и они очень разные. Пока мы преда-вались разбору текущих дел здесь, в Корвусе, хозяйка Ледя-ной Твердыни не теряла времени даром. Она, – Веспa вски-нул руку, принялся загибать пальцы, – во-первых, она ка-ким-то образом решила проблему высоких широт. Мы, Ор-дена империи, пожали плечами, мол, чего только не слу-чается, и продолжали заниматься своими делами, хотя вер-нее будет сказать – дрызгами. Дескать, где мы, а где высо-кие широты! Во-вторых, она научилась изготавливать потря-сающие некроконструкты – долговечные, самоуправляющи-еся, самовосстанавливающиеся. Не исключу, что добилась она этого, тщательно изучая мертвяков. В-третьих, по све-дениям от орочьих кланов, конструкты эти самых причудли-вых видов и форм, и они всё чаще появляются в их охотни-чьих угодьях. Мы также выяснили, откуда Ведьма берет ма-териал для своих големов, – сделали большой крюк и посети-ли некоторые из северных баронств. Местное население там весьма страдает от бедствия, нам незнакомого: некие приез-жие люди скупают ближе к весне тела умерших – которых из-за холода не хоронят, а держат в специальных мертвецких до тех пор, пока земля не оттаяет. Или же не скупают, а просто крадут. Разоряют свежие захоронения в тёплое время. До-ходит до того, что поселяне сжигают трупы вопреки своим верованиям либо снаряжают целую охрану для кладбищ. И

виновница всех этих бед одна...

Он ожидал выкрика: «Это ничего ещё не доказывает!» – однако змеиный маг оказался умнее и промолчал.

– На сем позвольте завершить мою речь и принести глубочайшие извинения Августу доминусу и чтимому Капитулу за отнятое время. – Поклон в сторону цезаря, обе руки к груди. Поклон в сторону магов, прижата только одна рука. – Всех, кто захочет поближе познакомиться с нашим трофеем, я приглашаю посетить зал Ордена Совы, мы оставим его там. А пока... – Веспа махнул ученикам.

Те подхватили клетку, в которой конструктор сосредоточенно перепиливал один из прутьев лезвием гизармы. Под воздействием негаторов он обмяк и снова свернулся в клубок. Свернулся, но не развалился и не потерял боеспособности – крепко делает Ведьма, ещё разбираться и разбираться, как это у неё получается.

– Dixi¹⁹, трижды величайший Август доминус и досточтимые коллеги.

И тут Орден Ворона, похоже, решил-таки дать бой.

Ливий Астурций одёрнул плащ, поднялся. Руки скрещены над головой в формальном жесте – «прошу срочного слова!».

Император с некоторым недовольством покосился на Ворона, потом взглянул на Веспу, затем – снова на Ливия. Кивнул, как бы нехотя:

– Дозволяю говорить. Но кратко и по делу!

¹⁹ Dixi (лат.) – я (всё) сказал.

– Высочайший и великий Август доминус...

– Короче! – скрипнул император, выказывая раздражение.

– Прошу прощения. – Ворон низко склонился, однако не сбилсЯ и не растерялся. – Высокий Капитул, прошу отнестись к словам уважаемого коллеги Квинта Фабия Веспы с известным снисхождением. Разумеется, мы имеем дело с малодостойной интригой, в которой мой юный, но очень талантливый друг Квинт – всего лишь пешка.

– Малодостойной интригой?! – взорвался Веспа, однако Цельс лишь вскинул руку, и поневоле пришлось замолчать.

– Да-да, с малодостойной интригой, сплетённой магистром Максимилианом Серториєм Крассом, главой Ордена Совы! – возвысил голос Ливий, и амфитеатр взорвался криками. Давненько под этими сводами не звучало подобных обвинений.

Веспа застыл, сжав кулаки и изо всех сил борясь с желанием запустить в голову Ворона чем-нибудь тяжёлым. Или, ещё лучше, засадить в одну клетку с некроконструктом. Однако магистр, приходилось признать, знал, как привлечь внимание императора. Интриги и заговоры – Цельса хлебом не корми, дай поразбираться.

– Орден Совы, занятый, бесспорно, делом важным и нужным – пересоставлением астроматических таблиц, увы, решил, что ему явно не хватает средств и влияния, – продолжал меж тем Ворон. – В нерепрезентабельном положении своём Сове некого винить, кроме лишь властолюбия и же-

стоковыйности её главы, магистра Красса. Но признать свои ошибки, признать, что гордое удаление от сердца империи, от священной особы великого Августа доминуса было величайшей глупостью, старик не может. А Ордену Совы нужны средства. Нужна свежая кровь. Надо привлечь к себе внимание, оказаться под милостивым взором нашего великоголадыки. Как это сделать? Очень просто. Что может быть вернее угрозы вторжения извне? Что ещё заставит к себе прислушаться?.. И вот появляется это пугало, Северная Ведьма. Некроконструкт...

– Какой нам никогда не создать! – выкрикнул Веспа.

– Возможно, – спокойно парировал Ворон. – Возможно, дорогой Квинт, *пока* мы и впрямь на такое неспособны. Но почему? Потому что Ордена имели перед собой куда более важные и насущные цели. Некромагия всегда оставалась на периферии наших исследований, быть может, ей и впрямь следовало уделить больше внимания, хотя бы помня о тех же мертвяках, но я согласен, дорогой коллега, Ведьма достигла немалых успехов. Однако посмотрите на вещи трезво: ваша экспедиция пленила сего вооружённого до зубов конструкта, потеряв четверых...

– Этого недостаточно?! – огрызнулся Квинт. – Нужно, чтобы он перебил бы нас всех, чтобы Ворон счёл это угрозой?

– Нет, дорогой друг, – улыбнулся Ливий. – Вы потеряли мага и троих рабов. Да простится мне сия прямота, но Ор-

ден Совы не относится к воинствующему. Боевая магия – не ваш конёк. Тем не менее вы сумели не только обезвредить это творение Ведьмы, но взять его, в общем, целёхоньким. Вы, Орден Совы. А теперь представьте, если б с вами там оказались бы мы, Вороны, или Щит, или... – Он развёл руками. – Вы не столкнулись с неисчислимыми армадами этих существ. Мы все понимаем, что творятся эти конструкторы не из воздуха, не из снега и не изо льда. Много их быть просто не может. А если эта Ведьма окончательно лишится рассудка и сунется на юг, где наши чары не подвержены никаким искажениям, что ж, полагаю, у нас найдётся, чем их встретить. Не сомневаюсь, что магистр Красс прекрасно понимает это также. Но – чего не сделаешь ради славы, внимания и звонких ауреусов из казны нашего щедрого и милостивого цезаря!

– Неправда!..

Сухая рука Тита Марция Цельса поднялась вновь.

– Благодарю, Ливий Астурций. Твои слова разумны и резонны, но и доказательств злоумышлений магистра Красса ты нам не представил, – проскрежетал в полной тишине император. – Достойный Квинт Фабий Веспасия, я благодарю и тебя тоже. То, о чём поведал Орден Совы, действительно представляется весьма важным, и мы обратим наше пристальное внимание на север. Никто не может сказать, что мы отмахиваемся от угроз. Решение наше объявлено будет позже, после тщательного изучения.

Веспа мысленно вытер дрожащей рукой лоб. Проклятый Ворон!.. Впрочем, всё обернулось не так уж плохо – эвон, Ливий садится с таким видом, словно лимон раскусил. Но что же чужаки, «свободные маги», промолчат? Если у них и впрямь есть свой план и свои цели, они прямо-таки обязаны проявить интерес к Северу и сделать свой ход.

И ход не замедлил.

– Дозвольте мне высказаться, о светлейший Август. – Кор Двейн поднялся, почтительно склоняясь. – Бесконечно уважаемый auctor Валерий, чтимый Капитул. – Ещё один глубокий поклон с прижатой к груди ладонью. – Прежде всего я должен признать вину свою перед вами всеми и особенно перед Августом доминусом. Мы – ваш покорнейший слуга и некоторые присутствующие здесь коллеги – знали об этом и работали, но до поры не тревожили ваш слух известиями. Я собирался сделать подробный доклад Капитулу в конце этого дня, однако уважаемый Веспа меня опередил. Пока что скажу кратко.

Квинт Фабий, изо всех сил стараясь сохранить на лице выражение благожелательного внимания, чувствовал, как сердце проваливается куда-то в живот. Вот он, тот туз в рукаве, которого опасался магистр. И похоже, что туз козырный...

– Мы тоже получили известия о том, что Ведьма создаёт весьма устойчивых и долгоживущих големов, что Твердыня наращивает мощь, но цели её нам неясны. Потому нами отправлена разведывательная миссия на Север, в области, под-

властные Ледяной Твердыне. Мы рассчитываем установить точные факты о Северной Ведьме и её *modus operandi*. Возможно, вступить с ней в мирные сношения на первое время окажется более выгодно.

Снова наипочтительнейший поклон.

– Мы надеялись представить подробный и доказательный *narratus* для трижды величайшего Августа, как только от миссии поступят первые сведения. И для глав Орденов также. Мы понимаем, насколько важно это дело и насколько не предназначено оно для чужих ушей. Мы все знаем, как много у империи Корвус врагов и в варварийских королевствах, и в Пиратских Гаванях, и среди Нелюди... – Тут чужак бросил выразительный взгляд на Веспу, словно укоряя: «А ты, болтун, вначале бы спросил у знающих людей!»

Император выслушал Двейна по-прежнему бесстрастно, не мигая.

– Чтимый Капитул, Орден Ворона и ты, свободный чародей Кор Двейн. Не заставляйте меня усомниться в ваших делах и устремлениях. В ближайшее время жду от вас подробного доклада и плана действий. Многоуважаемый Фабий Веспa и Орден Совы, благодарю.

Капитул зашумел, обсуждая поистине многозначачие новости. Для кого-то они и впрямь явились открытием, а кто-то со знанием дела подтверждал всё сказанное Кором Двейном. Квинт на негнущихся ногах вернулся на свою скамью. Ай да чужак! Легко и просто, парой фраз обратил всё, на

что рассчитывал Веспа, себе на пользу! А тут ещё этот Ворон, чтоб ему крылышки-то пообломать!.. Подыграл Двейну, расчистил дорогу, но и чужак не сплоховал. Вот уж поистине кто опасен, кто всегда на шаг впереди!..

Однако, напомнил себе Квинт, несмотря ни на что, нельзя сказать, что он и полностью проиграл. Кое-что у него получилось, и не столь мало: Ворон выставил себя явно против воли императора – тот обожает намёки на заговоры и прочее, но и угрозы империи не игнорирует, расценивая их прежде всего как угрозы самому себе. Эту атаку удалось отбить, удалось избежать открытой схватки, коя могла грозить Сове, Ордену слабому и малочисленному, полным упразднением либо поглощением; удалось вытянуть из Двейна весьма важные сведения, и вытянуть публично, ко всему несколько поколебав доверие к нему императора.

Всё это следовало обдумать и использовать.

Молодой маг несколько приободрился. И тут рядом возник мальчишка-раб, посыльный в Капитуле, и протянул восковую табличку с нацарапанной на ней запиской: «Многодостойный Квинт Фабий! Не уделите ли мне время после Капитула? К. Дв.».

Кор Двейн, сидевший напротив, поймал взгляд Веспы и ободряюще кивнул.

Что ж... попойка со школьным другом отменяется, а сражение продолжится. Веспа благожелательно кивнул в ответ.

Зал Ордена Совы, именуемый ещё Звёздным залом, смотрел на запад. В узкие, словно бойницы, окна врывались розовые лучи, сполохами угасающего пожара отражаясь в отделке стен, в чёрном искристом граните.

Здесь, как и в остальных покоях Капитула, действовали негаторы магии; конструкт в клетке застыл неопрятной грудой. Квинт знаком выслал обоих мальчишек; Кора Двейна надлежало встретить в одиночестве.

Маги набегут сюда, конечно, – но, скорее всего, после всех заседаний, когда окончательно прояснится отношение цезаря к внезапно всплывшей проблеме Севера. Сейчас разве что Двейн явится... и молодой маг нервничал, то и дело прикасаясь к старинной фибуле с чёрной эмалевой совой. Негаторы негаторами, но о ментальной дисциплине нельзя забывать даже здесь. Чужак опасен, а Квинт, кажется, и впрямь обратил на себя внимание высших сил в Капитуле, и поэтому должен до конца сыграть свою роль – расстроенного и разочарованного, считающего, что претерпел публичный афронт, и потому жадного до признания, уважения, одобрения. Едва ли ему станут грозить. Напротив, Двейн и двое его... сородичей, что ли? – всегда дружелюбны, избегают ссор, и вот вам результат – ещё совсем недавно не ведомый никому «свободный чародей» уже заседает в Капитуле, а к его словам

прислушивается сам император, хитрый и донельзя подозрительный.

В дверном проёме возникла человеческая фигура, зашелестел просторный плащ.

– Моё почтение, доминус Кор Двейн. – Веспа решил обойтись безо всяких церемоний. Не он назначил встречу, не он в ней заинтересованное лицо.

Хотя на самом-то деле, конечно, ещё как заинтересованное.

– Почтение, достойный Фабий Веспа, – поклонился чужак. Видно было, что он тоже устал после целого дня заседаний и прений. – Я не задержу вас надолго. Однако... благодарю за возможность побывать, что называется, в сердце вашего Ордена, – и он обвёл взглядом мерцающие тёмные стены.

– Мы считаемся звездочётами, наше время – ночь. – Квинт улыбнулся. Старательному, но не слишком умному провинциалу нет причин злиться на свободного чародея. Тем более – столь влиятельного, да в придачу ещё почтившего его своим вниманием. – Оттого и зал такой. Сова – старый Орден, хотя вам, наверное, это и без меня известно.

– Всегда интересно услышать историю из первых уст. Но ведь вы не только звездочёты, ваша, гм, специализация – магистральные потоки магии, глобальные взаимодействия? Теоретические выкладки?

– Да, так будет правильнее. – Веспа продолжал улыбаться.

ся. Против воли, интерес чужака был ему приятен, хотя он прекрасно понимал, чем это вызвано. Среди членов Капитула адепты Совы считались не то чтобы не от мира сего – но теми, кто не способен добиться успеха и богатства, учёными, погрязшими в теоретических изысканиях. Неудачниками, одним словом. Их расчётами пользовались, но их самих не ставили в грош.

– Это важнейшие положения, – серьёзно произнёс Кор Двейн. Он обходил зал, рассматривая, как закатные лучи высвечивают на стенах и потолке карты созвездий, наложенные на основные потоки силы. Большая Дуга, Южная Звезда, Северная Звезда, Стрела Октавия, Спираль, Спрут... Каменная мозаика на полу изображала летящую полярную сову, раскинувшую крылья и наблюдающую звёздное небо на потолке. – Фундамент, на котором возводится всё остальное здание.

– Не все так считают, – мягко возразил Веспа. – Однако, почтеннейший Кор, день был долгим...

– Конечно, конечно... – Кор Двейн стремительно обернулся к нему. – Меня чрезвычайно заинтересовал ваш доклад, уважаемый Веспа. Вы понимаете почему. Мы с вами ясно видим одну и ту же опасность, исходящую с Севера. Простите старику Ливию его выходку – чуть позже вы поймёте её смысл. Пока лишь скажу, что цель её была отнюдь не навредить вам лично или вашему Ордену.

– Признаться, – осторожно сказал Квинт, – у меня сложи-

лось иное впечатление.

Гость усмехнулся, беззаботно махнул рукой:

– Определённые – и весьма влиятельные – личности как раз очень *удивились* бы, не выступи Орден Ворона с чем-то подобным. Возможно, даже заподозрили бы неладное. Здесь, в Константии, ни для кого не секрет возвышение Воронов в последние месяцы, как и их, скажем так, недостаточно уважительное отношение к трудам и деяниям Ордена Совы.

Он многозначительно покивал.

– А так – всё хорошо, никто ничего не заподозрил. Великий Август увидел склоку Орден; Капитул увидел напор Воронов, их неприязнь к Сове, но увидел также и слабость аргументации бедняги Ливия. Будьте уверены, любезный Весп: императора Ливий не переубедил.

– Это... – Квинт очень тщательно подбирал слова, – я нахожу весьма хорошими новостями.

– Их будет ещё немало, – слегка рассмеялся свободный чародей. – Мы ведь с вами в одной лодке, Квинт. Я имею в виду – бьёмся над проблемой Ледяной Твердыни. Не скажу, что в обстановке секретности, но, гм, не вынося это на всеобщее обсуждение. До поры, разумеется. И я очень рад, что и Орден Совы понимает все опасности, весьма существенные, кои сокрыты в действиях Северной Госпожи...

– Прошу меня простить. – Квинт даже слегка поклонился, но удержаться от вопроса просто не мог. – А мы – это кто?

– Мы, – чужак несколько не смутился, – это избранная

группа магов из разных Орденов, преимущественно Ворона, но есть и Весы, и Змеи, и даже Лира... Это единомышленники, собравшиеся вместе для изучения нового, для решения задач, которые чрезвычайно трудно провести в Капитуле с нуля. Всё это началось совершенно без моего участия, – усмехнулся он, – но я был польщён, когда получил приглашение присоединиться. Выходит, и мои знания, знания свободного мага, оказались ценны и полезны.

– И вы?..

– И я предлагаю и вам, как представителю Ордена Совы, тоже присоединиться к этой группе, тем более что многое вам уже не нужно объяснять. Нам необходимы теоретики, обладающие более широким взглядом, умеющие видеть общую картину, соединять частности.

– Могу я задать вопрос? – перебил Веспа. У него внутри всё сжалось от предчувствия решительного мига. – Вы, ваши маги... занимаетесь не только некроконструкциями с Севера? Не только делами Госпожи?

– Я только что хотел об этом сказать, – улыбнулся Кор Двейн. Похоже, он уже не сомневался, что наживку заглотили. Прекрасно, пусть так и думает. – Нет, достойнейший Веспа, не только. У нас много интересов. Мы, в частности и благородный Ливий Астурций, считаем, что объединённые силы Орденов принесут больше пользы, чем привычное всем бодание в Капитуле. Ордена тратят время не на то, на что следует, но не всем пока это очевидно.

«Ливий Астурций! Старый Ворон! Так вот откуда крылья машут – власть всё-таки манит!»

– Должен признать, что благородный доминус Ливий сделал всё, дабы его никто не заподозрил и в малейшей симпатии к другому Ордену...

– Совершенно верно, – кивнул Кор. – Никто и не должен подозревать. Но, почтенный Весп, как вам сама идея?

– Идея, достойный доминус, я с вами согласен, она небезлюбопытна. – Так, тут лучше не спешить, чтобы Двейн не принял его совсем за простака. Пусть примет за простака с амбициями! – Ордена воюют за частные интересы первых лиц, влиятельных торговых гильдий, собраний нобилитета, ремесленных цехов, растрачивают себя в интригах, позорят высокое звание мага подкупам, взятками, подлогами... мой Орден, Орден старой и мудрой Сова, давно это понял и поэтому...

– И поэтому вы удалились на остров подальше от империи? Я не раз слышал, если можно так выразиться, различные мнения по этому поводу, но толком никто не мог ничего сказать. Больше было пренебрежения, самолюбования, чем толковых сведений. Если не трудно, досточтимый Весп, развейте тьму моего невежества, будьте так добры!..

– О, это давняя история. – Весп махнул рукой. – Причин тому много, и самых разных. Когда-то Орден Сова устроил обсерваторию на отдалённом Скаламирре, потому что свечение от городов империи и паразитные магические шумы ме-

шали наблюдать небесные светила и потоки. Так появились Пять Башен. Потом Орден и вовсе перебрался туда, оставив в Константиин только представительство. Мы с трудом вписывались в империю, где слишком любят мягко спать да сладко есть, а забаву находят в кровавых гладиаторских играх. Мы – единственные в своём роде, это верно: не ведём торговли в прибрежных полисах, не оказываем мелких услуг за деньги, не... – он усмехнулся, – не занимаемся, скажем, столь высокодоходными делами, как астромантия, не составляем гороскопы... Всё, чем мы торгуем, – знания. Серьёзные знания. Ежегодные таблицы соответствия, новые заклятия и дополнения к ним, новые способы создания амулетов и усовершенствования старых. Мы всего лишь учёные, почтенный Кор. Мирно живём меж гоблинами на севере и сидхами на юге, среди свободных полисов Скаламирра...

– А пираты? Они вас не беспокоят? Старый Орден, впавший, как считается, в немилость, накопивший изрядные богатства... Могут найтись горячие головы, – заметил Двейн. – Особенно после прошлогоднего рейда чародеев империи на Свободные Гавани. Такой вышел рейд, мягко говоря... горячий. Огненный.

Веспа нехотя кивнул.

Рейд и впрямь получился огненным. Отряд магов Щита, Ворона и Весов дотла сжёг гавань и город, уничтожив пиратский флот. Пленников продали в рабство, захваченных главарей казнили столбованием. Правда, немалая часть

морских разбойников сумела ускользнуть – ходили слухи, по небрежению Весов. Гавани так и не оправились от удара, из всех пиратских городов на полуострове остался лишь небольшой и неудобный Вольный Порт. В разорённых Гаванях остался было имперский гарнизон, но тут забеспокоились Валленинги; правители их всегда с крайней ревностью относились к попыткам Константины вновь утвердиться на восточном берегу Межпроливья.

Легионы ушли, оставив на месте Гаваней дымящееся пепелище. Пираты рассеялись, но, ясное дело, мстить они будут. Пять Башен, конечно, с налёта не взять, но...

– Пока что, хвала всем силам, у нас тихо, – ответил Веспа. – Надеюсь, так оно пребудет и далее. Но... – Он сделал паузу. – Ближе к нашему делу, почтенный гость. То, что происходит на Севере Дальнем, может изменить всё. Мир велик, но нам ли, изучающим небесные сферы, не знать, как он на самом деле мал?

– То есть?..

– Я склонен принять ваше предложение, достойнейший Кор Двейн. Однако день и вправду был долгим, прошу вас, назначьте время, когда мы сможем поговорить обо всем более подробно.

– Весьма рад, доминус. Весьма рад. Скажите, хм-м-м... а как на это посмотрят ваши собратья по Ордену? У вестей, знаете ли, быстрые ноги, а мы с товарищами, хоть и соблюдаем некую дистанцию, не впадаем в полную секретность.

Быть может, стремление ваше шагнуть через орденские границы, забыть о спорах и разногласиях будет воспринято как покушение на независимость Ордена?

– Сова сильнее других пострадала от интриг и мелких дрызг в Капитуле. – Веспа пожал плечами, надеясь, что вышло это достаточно натурально. – Если среди наших коллег возникло понимание, что работать надлежит сообща, а не пытаться утопить друг друга в погоне за суетными благами мира сего, я могу это только приветствовать. А магистр Красс слишком далеко отсюда...

– Что ж, прекрасно, друг мой, прекрасно!..

«Я своего добился, это ясно. – Квинт Фабий Веспа раскладывался с чужаком, и ему даже не нужно было изображать крайнюю усталость – она и так валяла с ног. – Они меня заметили, они заметили Север... но смогу ли я на самом деле хоть что-то изменить?..»

Глава 6

На утоптанном снегу возле деревянных стен Дриг Зиггура шумело торжище. Весенняя ярмарка, единственная на Дальнем Севере. Шаарта только слыхала про неё от торговцев из клана Первой Луны, которые свозили сюда всё, что Драконоголовые хотели продать или обменять, и сейчас с жадным любопытством всматривалась в открывшуюся картину: суетились по-муравьиному продавцы и покупатели, тянулись яркие ряды палаток, навесов, шатров, стада оленей и шерстистых быков уныло топтались в загонах, над торговыми павильонами поднимались остроконечные башенки, ветер трепал разноцветные флажки над ними. Доносился запах свежего хлеба, дыма, подтаявшего снега и свеженапиленных досок. Гам, крики зазывал, мычание оленей, пронзительные звуки свистулек, грохот медных и оружейных рядов, монотонное пение бродячего сказителя и скрип подтаявшего снега – всё сливалось в один протяжный ярмарочный звук.

Отсюда, с вершины пологого холма, хорошо были видны приземистые фигурки гномов, юркие – людей, высокие и неспешные – орков.

У Шаарты против воли заколотилось сердце. Она для клана, да и для всего племени сейчас всё равно что призрак, ходячий мертвец, сородичи в её сторону даже и не посмотрят, и всё-таки, всё-таки...

– Бывала здесь, храбрая? – Хозяин, как и сама орка, восседал на спине мохнатой северной лошадки. Держался он в седле, правда, куда уверенней Шаарты.

– Нет, хозяин. Мы... то есть клан Тёмного Коршуна представляет товары на продажу, но мало кто из наших приезжал сюда. Торгует особый клан. – Она не удержалась, презрительно скривила губы. Торговцы! Разве они ровня честным воинам? Недаром не числят они себя ни Драконоголовыми, ни Огненноглазыми, ни тем более дальними соседями Железнобокими. Жизнь без них, однако, куда как скудна и нерадостна.

– Скажи... – Маг помедлил, изучая кишащее многолюдство. – Здесь ведь действует запрет на ссоры? Всеобщее и бессрочное перемирие?

– Верно, хозяин. – Орка понурилась. – Во время Ярмарок в Дриг Зиггуре запрещено обнажать оружие, а любой кулачный бой только с позволения начальника стражи. Нарушителей вешают быстро, без баронского суда – у Дриг Зиггура есть такое право. Здесь с этим строго. Хотя, конечно, всё равно случается...

– Что ж, не забывай об этом. Тогда едем, нам ещё ночлег искать.

Ярмарку, уже затихающую к вечеру, они обошли стороной. Караван у Публия Каэссениуса Маррона был небольшой: десяток лошадей, три санные повозки, нагруженные припасами, и пять слуг, не считая Шаарты. А также ещё один

маг, точнее, магичка, всю дорогу делившая с Публием крытый возок и сейчас кутавшаяся там в меха; проплывающую в отдалении ярмарку она разглядывала с плохо скрываемым пренебрежением.

Звали её Сальвия, и явилась она совершенно неожиданно для всех; чародейка присоединилась к экспедиции в Роданосе, перед самой переправой через пролив – поджидала их в местной гостинице с неким рекомендательным письмом. Публий Каэссениус письмо взял, прочёл и заметно помрачнел. Тоненькая девушка, светловолосая и энергичная, не расстающаяся с дорожкой сальвийской шалью; в тёмном орденском плаще со змеёй на фибуле Шаарта видела её всего лишь раз. Хозяин велел Шаарте охранять её так же усердно, как и его самого, и орка старалась, не понимая, чем эта магичка так ценна. Облик хрупкой красавицы был лишь маской, внутри бурлила сила, но Шаарта поклялась бы всеми своими клыками – сила эта недобрая и упрямая, навроде той, что у старого чародея Лара Теренция. Впрочем, кого брать в поход – дело хозяина, она, Шаарта, всего лишь служит.

Дриг Зиггур был крошечным приграничным городком в заснеженных предгорьях Пасти Дракона, возле самой Северной стены. Вон она, тёмная лента на горизонте, и в хорошую погоду, говорят, отсюда видна даже сама Башня Полуночи. Во дни Ярмарок городок, словно векша от нерестовой рыбы, разбухал, заполнялся людьми и нелюдьми, так что найти ночлег было весьма непросто – если не сказать невозмож-

но. Орка знала это по рассказам торговцев из Первой Луны. Однако Публий уверенно направил лошадку к центру Дриг Зиггура, где вокруг площади высился десяток каменных домов, от особняка городского головы до самой дорогой гостиницы, забитой в это время состоятельными гномами из Дим Кулдира вперемешку с удачливыми людскими купцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.